

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Dagestan State University

THE THEORY AND PRACTICE OF GENDER RESEARCHES IN WORLD SCIENCE

Materials of the V international scientific conference
on May 5–6, 2014

Prague
2014

The theory and practice of gender researches in world science : materials of the V international scientific conference on May 5–6, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 118 p. – ISBN 978-80-87966-29-7.

Editorial board:

Berberyana Asya Surenovna, doctor of psychological sciences, associate professor, Head of the psychology department, Russian-Armenian (Slavic) State University.

Butayeva Marzizhat Akhmedovna, candidate of philosophical sciences, associate professor of the social technologies department in the Dagestan State University, president of women's union of Makhachkala.

Doroshina Iлона Gennadyevna, candidate of psychological sciences, associate professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of the theory and practice of gender researches. Some articles deal with questions of sex and gender in interdisciplinary review. A number of articles are covered with problems of gender aspects of society and culture.

UDC 001

ISBN 978-80-87966-29-7

*The edition is included into Russian Science Citation Index.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts,
figures, quotations, statistics, proper names and other information.*

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2014.
© Group of authors, 2014.

CONTENTS

I. SEX AND GENDER IN INTERDISCIPLINARY REVIEW

Асатурова Л. Л. Рассмотрение концепта «гендер» в социальной перспективе.....	5
Кукарников Д. Г. «Второй пол» Симоны де Бовуар и радикальный феминизм	10
Колиева И. А. Дискурс сексуальности как один из факторов формирования женской субъективности.....	16
Николаи Ф. В., Хазина А. В. Полемика о травме, американские гендерные исследования и архив Public Feelings	20
Бацанова С. В. Социокультурные предпосылки формирования отчужденной телесности	27
Дресвянина А. В. Качественная оценка гендерной идентичности.....	31
Садвакас А. С. Гендерные различия функциональной латерализации мозга	35
Сидоренко Д. А., Поскина Т. Ю. Психофизиологические особенности сенсомоторных реакций обучающихся г. Лянтор с учетом половозрастных различий	38
Назарова С. А. Характеристика гендерных представлений современной российской молодежи	41
Варданын Н. Т. Изучение гендерных аспектов профессиональной направленности личности.....	46
Гусева Е. Л., Романов Ю. А., Козырева О. А. Анкета как метод и ресурс изучения особенностей самореализации и саморазвития мальчиков-подростков в боксе	52

II. GENDER ASPECTS OF SOCIETY AND CULTURE

Бегинина Е. Г. Влияние гендерного аспекта на становление и развитие карьеры сотрудника в организации.....	54
---	----

Соловьева Н. С. Взгляд на образ руководителя сквозь призму гендерных стереотипов (на материале фразеологии)	56
Богданова А. А. Женщины и власть в истории России: гендерный подход	61
Петрова Е. В. Реализация политического равноправия удмуртских женщин в Удмуртской автономной области в 1930-е гг.	64
Гаджимурадова Г. И. Ислам и интеграция женщины-мусульманки в европейское общество.....	67
Еремина С. Р. Особенности мотивационно-ценностной сферы современных женщин в первое пятилетие выхода на пенсию.....	72
Шапиро Б. Л. Поло-ролевые стереотипы и спорт в контексте культуры конца XIX – середины XX вв.	78
Чередникова А. Ю. Упадок нравов в Веймарской Германии (1919–1933 гг.) и пример гендерной репрезентации.....	82
Ivanova A. A. The value of a young family in the modern world	86
Масленцева Н. Ю. Социальная работа с одинокими отцами.....	91
Царегородцева А. Н. Воспитание психологической андрогинности дошкольников как условие успешной социализации.....	95
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году.....	99
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2014	103
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	106
Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»	110
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	116
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	117

I. SEX AND GENDER IN INTERDISCIPLINARY REVIEW

РАССМОТРЕНИЕ КОНЦЕПТА «ГЕНДЕР» В СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

**Л. Л. Асатунова, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. This article shows that gender, a popular concept in modern Humanities, has a variety of meanings. First of all, it might be seen as a social construction, which varies across cultures and history. Second, gender is a process, which happens through face-to-face interaction. Finally, gender is supposed to be a part of a wider social order, an institution, which reproduces the system of inequalities.

Keywords: gender; biological determinism; social constructivism.

Термин «гендер» не является новым. Появившись в академическом дискурсе в конце 70-х годов прошлого века, он не только не теряет своей актуальности с течением времени, но, напротив, привлекает всё большее внимание как со стороны ученых социально-гуманитарной направленности, так и со стороны неспециалистов. Изначально гендер не имел ничего общего с современной трактовкой в качестве социально-культурного каркаса, формируемого обществом вокруг мужчин и женщин как представителей бинарных групп, а использовался лингвистами для обозначения грамматического рода прилагательных: маскулинного, фемининного и среднего (нейтрального) родов. Точкой отсчета, с которой начинается история гендера в социальных науках, является выход в свет книги «Sex and Gender» психоаналитика Роберта Столлера, занимавшегося исследованиями транссексуальности и факторами, влияющими на формирование гендерной идентичности.

В западной теории долгое время, вплоть до середины XX века, доминировала концепция, согласно которой различия и неравенство в позициях, статусах, занимаемых мужчинами и женщинами в социуме, в выполняемых ролях и функциях в приватной сфере считались естественными, производными

от их внутренней биологической природы. Данная концепция получила название *биологический детерминизм*, или *эссенциализм*. Приверженцы биологического детерминизма всё многообразие проявлений неравенства между мужчинами и женщинами видели исключительно в их анатомо-физиологических особенностях. Биологический пол выступал первопричиной и основанием установления иерархического ранжирования людей в социуме.

Как отмечает австралийский социолог Р. Коннелл, идеология естественных, половых различий составляла основу популярной в 70-е годы эволюционной теории, спекулировавшей на идее обладания мужчинами и женщинами различными чертами и характеристиками, сформированными в ходе эволюционного процесса в целях обеспечения выживания человеческого рода [6, р. 451]. Согласно данной теории, мужчины вместе с Y-хромосомой унаследовали склонность к агрессии, соревновательности, политической активности, иерархии, территориальности, промискуитету и проявлению силы. Женщины же, напротив, генетически запрограммированы на заботу о выживании потомства, сострадание, обладание сильным материнским инстинктом.

Однако если поведение людей биологически запрограммировано и мужчины по своей природе доминантны, а женщины пассивны, то возникает ряд вопросов, ответить на которые с позиции биологического детерминизма не представляется возможным. А именно: почему образцы маскулинности и фемининности варьируются от культуры к культуре? Почему в одних обществах роли, выполняемые мужчинами и женщинами, отличаются от ролей, выполняемых в других обществах? Почему мужчины обладают большими возможностями доступа к общественным ресурсам и властными полномочиями по сравнению с женщинами?

Антропологи, в частности Маргарет Мид, изучавшая примитивные общества Новой Зеландии, были первыми, кто поставил подобные вопросы, выходящие за границы биологического детерминизма. До начала проведения этнографического исследования, Мид была убеждена в существовании коренных, биологически обусловленных различий между мужчинами и женщинами, делавших их пригодными для выполнения определенных ролей. В ходе изучения образов жизни и моделей поведения членов трех племен Новой Зеландии – арапешей, мундугуморов, чамбули – Мид пришла к выводу, что многие из черт и типов поведения,

ассоциирующихся в западном обществе с мужчинами и женщинами, не являются универсальными и повсеместными, а следовательно, не укладываются в рамки биологически предзаданных программ. Проведенное Маргарет Мид исследование, отраженное в работе «Пол и темперамент», позволило сделать вывод о том, что те роли, которые общество предписывает выполнять мужчинам и женщинам, те смыслы, которые оно вкладывают в образы маскулинности и фемининности, есть не что иное, как культурно вариативные значения [7].

Популярная в 60-х г. XX века *теория половых ролей (пололевой подход)*, разработанная классиком структурного функционализма Толкоттом Парсонсом совместно с Р. Бейлзом, объясняла различия между мужчинами и женщинами с позиции биологического детерминизма, указывая на глубоко функциональную природу существующих различий. Теория половых ролей подразумевает разделение функций членов социальной системы на *инструментальную* и *экспрессивную*. Инструментальная функция включает в себя контакт с внешним миром, направленный на получение заработка в целях обеспечения и поддержания материальной стабильности членов семьи, а также обеспечение безопасности их от внешней угрозы. Эта роль традиционно является мужской. Экспрессивная же функция предполагает установление тесных эмоциональных связей между членами семьи, урегулирование конфликтов и сглаживание «острых углов». Функция поддержания стабильности и порядка «семейного очага» возложена на плечи женщин. Индивиды, выступающие в роли пассивных субъектов, овладевают половыми ролями в ходе социализации, посредством которой они воспринимают существующие в обществе гендерные образцы и модели поведения. Именно в ходе социализации, благодаря ее агентам – членам семьи, школе, сверстникам, средствам массовой информации, – а также системе санкций и поощрений, индивиды узнают, какие социальные нормы и ожидания общество возлагает на них, какие роли предписывает выполнять в зависимости от их биологического пола [3].

Парадигмальный поворот в рассмотрении гендера как социального конструкта произошел со становления социального конструктивизма, занявшего главенствующее положение в социальной теории в 70-х годах прошлого века. Социальные конструктивисты имели претензии не только к биологическому детерминизму в целом за постулирование им «естественности»

социального неравенства статусов, возможностей, позиций, занимаемых мужчинами и женщинами в обществе ввиду их биологических особенностей, но и к полоролевой теории, в частности, за узкое и однобокое рассмотрение всего многообразия аспектов, влияющих на понимание концепта «гендер». Строго говоря, возникновение собственно гендерных теорий в социологии исследователи связывают с критической реакцией на полоролевой подход за присущие ему биодетерминистские и универсалистские основания [1, с. 148; 4, с. 47]. Социальные конструктивисты убеждены, что половые роли являются не социальным следствием биологической природы индивидов, а социальной конструкцией, культурно и исторически вариабельной; индивид же выступает не пассивным реципиентом предзаданных моделей и образцов, но, напротив, активным, деятельностным участником процесса создания гендера. Таким образом, подчеркивается возможность внесения корректив в гендерную систему в ходе рутинизированного, ежедневного процесса конструирования гендера [1, с. 157].

В социальных науках отсутствует единое понимание концепта «гендер». Некоторые исследователи рассматривают гендер как процесс, делание («doing gender»). Согласно микросоциологической теории гендера К. Уэста и Д. Зиммермана, гендер есть процесс создания и исполнения нормативно приемлемой, ситуативно обусловленной деятельности, в ходе которой мужчины и женщины утверждают себя в качестве полноценных, компетентных членов общества. Для понимания категориального аппарата процесса создания гендера Уэст и Зиммерман предлагают различать следующие понятия: *пол (sex)* (анатомо-физиологические особенности людей, на основании которых они делятся на биологических мужчин и женщин), *категоризация по признаку пола* (предпосылка отнесения индивида к категории «мужчина / женщина» через социально заданные инструменты – дисплеи) и *гендер* (контекстуальное исполнение мужчинами и женщинами соответствующей их полу деятельности, утверждающей себя в процессе взаимодействия). Как отмечают Уэст и Зиммерман, создание гендера носит принудительный и обязательный характер ввиду существования бинарной оппозиции между полами и помещения человеческих существ в социальные категории «мужчины» и «женщины» [5, с. 207].

В последнее время всё большую популярность приобретает рассмотрение гендера в рамках институционального подхода, предложенного австралийским социологом Рэйвином Коннеллом.

В контексте данной теории гендер представляется многоаспектной, комплексной системой отношений социального порядка; институтом, охватывающим не только процессы индивидуального создания гендера в ходе взаимодействия, но и процессы, лежащие за пределами взаимодействия. Именно через гендер социальная реальность воспроизводит систему властных отношений, которая регулирует все сферы социальной жизни [2, с. 13].

Расширение феминистских исследований, политические движения за права групп, являющихся маргинальными в рамках господствующего дискурса, убедительно доказывают, что гендер является не единственным механизмом разделения общественных позиций, достижения господства и обладания властью. Помимо него, имеются и другие аспекты – раса, класс, сексуальность, – помещающие индивидов в фиксированную систему координат стратификационного деления. Таким образом, логичным становится говорить о гендере не просто как о социальном конструкте, но как о множественном, многогранном феномене, пронизывающем все сферы социальной реальности и глубоко интегрированном в мир повседневности.

Дальнейшее изучение гендера как отдельно, так и на пересечении вышеизложенных аспектов поможет лучше понять механизмы функционирования многих современных систем и процессов.

Библиографический список

1. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I. / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ; СПб. : Алетейя, 2001. – С. 147–173.
2. Тартаковская И. Гендерная социология. – М. : ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2005. – 368 с.
3. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. – М. : МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.
4. Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2009. – С. 31–60.
5. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – С. 193–219.
6. Connell R. W. Making gendered people. Bodies, identities, sexualities // Revisioning gender / Ferree, Myra Marx, Lorber, Judith, Hess, Beth B. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2000. – P. 449–472.
7. Mead M. Sex and temperament in three primitive societies. – New York : New American Library, 1953. – 224 p.

«ВТОРОЙ ПОЛ» СИМОНЫ ДЕ БОВУАР И РАДИКАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ

**Д. Г. Кукарников, кандидат философских наук, доцент
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия**

Summary. Article is devoted to the history of theoretical ideas about feminism. Key provisions of the fundamental trends of feminist and gender theory are analyzed from the standpoint of social philosophy. Special attention is paid to the comprehension of radical feminism.

Keywords: radical feminism; woman like Another; traditional gender culture; classical philosophical rationality; existential choice; patriarchy; sexual politics; gender inequality; the idea of biological classes; biological revolution.

В данной статье мы остановимся на основных идеях и понятиях феминизма 60–90-х годов XX в. При этом необходимо отметить, что значительная часть его интеллектуального багажа возникла благодаря развивавшемуся в рамках радикального направления критическому подходу к анализу традиционной культуры и науки. Начало этой теоретической деятельности положила Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол» (1949).

Симона де Бовуар (1908–1986) – французский философ-экзистенциалист – закончила в Сорбонне класс философии у Ж.-П. Сартра, ставшего затем спутником её жизни. В первые же недели после публикации книги «Второй пол» было куплено 22 тыс. экземпляров – тираж невиданный для Франции тех лет. С тех пор книга выдержала много изданий и переизданий, в том числе и на русском языке в 1998 году [3]. Многие поколения феминисток выросли из этой книги: так, например, Б. Фридан построила на идее «женщины как Другого» свою не менее знаменитую книгу «Мистика женственности» (1963), С. Файерстоун посвятила свою «Диалектику пола» (1970) С. де Бовуар.

В книге «Второй пол» впервые была поставлена проблема подавления феминного в культуре. В этой работе показывается, что общество конституирует мужское / маскулинное как позитивную культурную норму, а женское / феминное как негативное, как отклонение от нормы, как Другое. Бовуар прослеживает это на примере биологических, социально-философских, психоаналитических теорий, а также литературных произведений и показывает, что над всеми аспектами социальной жизни и мышления доминирует это отношение к женщине как к Другому. Эта культурная норма затем и усваивается самими женщинами в процессе социализации.

Из концепции Другого следует, что различия, культивируемые традиционной гендерной культурой, – это метафоры для обозначения иных или якобы иных форм жизни. Общественная группа, обозначаемая как «чужая» или «другая», получает свидетельство о «неполноценности» и лишается не только права на «равенство», но и права безнаказанно оставаться «чужой» или «другой», т. е. жить иначе (или мнимо иначе) в физическом, духовном и психическом отношениях по сравнению с группой, которая устанавливает культурные нормы и ценности.

Вклад Симоны де Бовуар в формирование гендерной теории субъекта сложно переоценить. Многие исследователи считают её работу «Второй пол» отправной точкой формирования сразу нескольких течений феминистской и гендерной теории [4; 7; 10]. Некоторые исследователи полагают, что она является основателем «новой волны» женских и радикальных направлений феминизма [6], также в работе «Второй пол» проведён детальный анализ фрейдистской концепции женственности. Вообще труд Симоны де Бовуар является, пожалуй, первым междисциплинарным исследованием женского вопроса, где проанализированы данные биологии, культурологии, мифологии, социологии и социальной символики.

Философская концепция «второго пола» строится на экзистенциальной проблематике взаимоотношений «Я – Другой». «Творчество Симоны де Бовуар, – пишет И. А. Жеребкина, – это первая сознательная феминистская философская попытка в философской антропологии артикулировать феномен женского в культуре – женской субъективности и структур женского опыта, женского мышления и языка» [8, с. 101].

Де Бовуар утверждает, что женское начало, женское тело, женское мышление традиционно воспринимается как «иное», как антитеза мужчине и мужскому началу, причём раскрывается это «Другое», только во взаимодействии с мужским, маскулинным субъектом. Тогда как мужчина воспринимается как автономный субъект, «Я»: «Он – Субъект, он – Абсолют, она – Другой» [5, с. 41], – полагает она. Особенно интересна традиционная дифференциация в восприятии мужского и женского тела. Мужское тело – норма, оно не влияет на мышление, не искажает восприятия окружающего мира, тогда как женское тело – отклонение от нормы, обуславливающее женскую субъективность. Таким образом, вся философская рациональность и наука мыслится исключительно маскулинной. Исследовательница полагает, что на

самом деле субъективность обоих полов раскрывается во взаимодействии, и разделение общества по половому принципу довольно условно. «Пара – это фундаментальное единство, – постулирует она, – обе половины которого прикованы одна к другой, и никакое расслоение общества по признаку пола невозможно. Именно этим определяется женщина: она – Другой внутри единого целого, оба элемента которого необходимы друг другу» [5, с. 38], – категория Другого вводится здесь с целью обоснования искусственности женского положения, его необоснованности.

Иными словами, если разделение общества возможно по расовому, национальному и экономическому признаку, ибо у этих общностей есть общая история и чувство солидарности, то с половой принадлежностью всё совершенно иначе. Взаимная необходимость мужчины и женщины не позволяет им объединиться в противоборствующие общности, в противном случае, такое объединение грозило бы исчезновению человечества. Однако же некоторое противостояние между полами сохраняется, здесь мы видим всю ту же гегелевскую диалектику «господин – раб»: «Женщина всегда была если не рабом мужчины, то, по крайней мере, его вассалом. Мир никогда не принадлежал в равной степени обоим полам. И даже сегодня положение женщины ещё очень невыгодно, хоть оно и меняется» [3, с. 31].

Де Бовуар говорит, с одной стороны, об отказе классической философской рациональности рассматривать женщину в каком-либо другом аспекте, кроме как в свете «Другого» и «вечной женственности», а, с другой стороны, утверждает, что женщина добровольно принимает роль «Другого» и занимает подчинённое место в попытке избежать экзистенциального выбора и ответственности. «Порабощение есть следствие захватнических свойств человеческого сознания, которое стремится к объективному осуществлению своей суверенности» [3, с. 31–32]. Таким образом, вектор рассмотрения «женского вопроса» смещается с социально-экономических и политических проблем в сферу психологии, бессознательного и символично-культурного пространства. Такой подход открывает возможность для последующего анализа женской субъективности с точки зрения экзистенциальной философии, а также исследованиям фемининности в культуре и языке. Необходимо заметить, что сама работа не является радикалистской и не призывает к полному уничтожению половой дифференциации: «Каждый из них [полов], видя в другом независимого субъекта, останется для него Другим. Вза-

имодополняемость в их отношениях не уничтожит того чуда, которое порождается делением человеческих существ на два пола» [3, с. 806], – пишет Симона де Бовуар.

Однако заключённые в книге идеи вызвали широкий резонанс, вслед за «Вторым полом» стали появляться работы таких представительниц радикального феминизма как Кейт Миллет, Суламифь Файерстоун, Андреа Дворкин, Жермен Грир, Евы Файджес и других. Основными и наиболее известными работами радикальной ветви феминизма являются труд К. Миллет «Сексуальная политика» и книга С. Файерстоун «Диалектика пола» [2; 1]. К. Миллетт, продолжая и развивая мысли Бовуар в своей книге «Сексуальная политика», пишет о подавлении феминного в культуре как основе социальной политики патриархата. Радикализм феминизма Миллетт акцентировался её ранним и активным включением в движение за гражданские права в начале 60-х годов. Сам термин «патриархат» использовался задолго до работы К. Миллетт, но именно она сделала его ключевым понятием в анализе культуры.

Патриархат, как его понимает Миллетт, есть власть отцов – семейная, социальная, идеологическая, политическая система, в которой женское всегда подчинено мужскому. Подавление женщин проистекает не из их биологического отличия от мужчин, а из социального конституирования феминности как вторичного [2, р. 127]. Сексуальная политика – это парадигма социальной власти, и, подобно последней, сексуальная власть контролирует индивидов как через прямое насилие, так и средствами культуры (прежде всего через систему социализации). Сексуальная политика, доказывает Миллетт, – это способ контролировать женскую субъективность в соответствии с правилами патриархата [9, с. 151]. Такое нетрадиционное понимание политики, согласно которому личностная сексуальная жизнь является сферой приложения власти и подавления, легло в основу самого популярного лозунга феминизма – «Личное есть политическое».

Приверженцы радикального феминизма достаточно быстро перешли от рассмотрения проблем женщин к анализу традиционной патриархальной культуры в целом. Начало этой работе положила Суламифь Файерстоун в своей знаменитой книге «Диалектика пола», вышедшей в 1970 г., почти одновременно с работой Миллетт. Она утверждала, что патриархат, т. е. система субординации женщин, коренится в биологическом неравенстве полов. Оценивая идеи Маркса и Энгельса (их работы были

весьма популярны в среде теоретиков леворадикальных движений протеста конца 60-х годов XX века) о классовой борьбе и частной собственности, Файерстоун отмечает, что они слишком сфокусировались на классовой борьбе и уделили мало внимания тому, что она назвала половыми (биологическими) классами. По её мнению, именно «биологический», а не экономический класс должен стать центральным понятием исторического материализма. Файерстоун переформулирует Энгельса следующим образом: «Исторический материализм – это такая точка зрения на историю, которая видит основную причину и великую движущую силу всех исторических событий в диалектике пола, т. е. разделении общества на два различных биологических класса... из первого разделения труда по полу развивается экономико-культурная классовая система». Другими словами, для неё первичное разделение на классы – это разделение между мужчинами и женщинами, но этому классовому разделению Маркс не уделил внимания. Она считает движущей силой истории не производство, а воспроизводство. И если мы хотим понять, почему женщины подчинены мужчинам, нам необходимо биологическое, а не экономическое объяснение.

Файерстоун напоминает, однако, что нам следует относить неравенство между полами не к наблюдаемым биологическим различиям между ними, но к тому факту, что различные репродуктивные роли женщин и мужчин ведут «к первому разделению труда на основе классов так же, как последующая парадигма кастовой дискриминации основана на биологических характеристиках». Переворачивая и далее марксистскую схему, она предлагает своё решение проблемы неравенства мужчин и женщин – «биологическую революцию». И поскольку пролетариат (согласно Марксу) должен овладеть средствами производства для устранения экономической классовой системы, женщины также должны овладеть контролем над средствами воспроизводства для устранения половой классовой системы. Как только биологическая реальность воспроизводства будет преодолена с помощью репродуктивных технологий, считает Файерстоун, тот факт, что люди имеют разные половые органы, «не будет более иметь культурного значения».

Если консервативная точка зрения основана на признании естественной необходимости таких различий, то Файерстоун полагает, что женщины в силах преодолеть эти различия. Она верит, что, когда женщины и мужчины перестанут играть различные роли в репродуктивной драме, станет возможным устранение раз-

личий в половых ролях. Она убеждена, что эти роли обусловили возникновение биологической семьи. По её мнению, когда репродуктивная технология сделает возможным искусственный способ репродукции людей, потребность в биологической семье исчезнет. А как только биологическая семья перестанет быть репродуктивным союзом, она перестанет быть и экономическим союзом. Если технология изменит репродуктивную роль женщин и их оценку в качестве детородных функционеров, тем самым изменится и роль мужчин как преимущественно публичных функционеров.

Файерстоун убеждена, что не имеет особого значения, как много образовательных, юридических, и политических прав имеют женщины и как много женщин вовлечено в общественное производство. Лишь различия в воспроизводстве детерминируют первое разделение труда и возникновение «биологических классов». По её мнению, до тех пор, пока не изменится способ биологического воспроизводства, будут существовать два противоположных «биологических класса» и дискриминация женщин. Женщины, утверждает Файерстоун, должны контролировать средства воспроизводства человеческих существ для преодоления «сексуальной классовой системы». Для достижения этих целей она предлагала заменить традиционный способ деторождения репродуктивными технологиями, то есть шире использовать оплодотворение и выращивание детей «в пробирках». В результате этого, по её мнению, половые различия между людьми перестанут иметь социальное и культурное значение. Ничего существенного не произойдет с женщинами до тех пор, пока не изменится способ биологического воспроизводства. Она верит, что если будут преодолены различия между продуктивными и репродуктивными ролями мужчин и женщин, станет возможным преодоление всех иных отношений и структур подавления. Файерстоун считает, что в андрогинной культуре произойдет интеграция мужской технологичной и женской эстетической культур.

Хотя идея «биологических классов» и является фундаментальной в концепции Файерстоун, её позицию нельзя отнести к традиционному биологическому детерминизму. Биодетерминизм основан на признании обусловленности различий в социальных ролях и статусах женщин и мужчин их естественными биологическими различиями. Употребляя понятие «биологические классы», Файерстоун фактически говорит совсем об ином: о возникновении социальных классов на основе биологических различий. Несмотря на явный биологизм и радикализм Файерстоун, книга сыграла

значительную роль в развитии гендерной теории, поскольку идея биологических классов активно дискутировалась в литературе как её сторонниками, так и оппонентами [11].

Библиографический список

1. Firestone Sh. The Dialectic of Sex. The Case for Feminist Revolution. – N.-Y. : Farrar, Straus and Girous, 2003 (first ed. Morrow : Bentam Books, 1970). – 246 p.
2. Millett K. Sexual Politics. – N. Y. : Doubleday, 1970. – 424 p.
3. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2 / пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой. – М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.
4. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
5. Второй пол. Т. 1 : Факты и мифы / общ. ред. и вступ. ст. С. Айвазовой. – 1997. – 632 с.
6. Гендерный калейдоскоп : курс лекций / ред. М. М. Малышева. – М. : Assademia, 2001. – 520 с.
7. Женщина в обществе: мифы и реалии : сб. статей / ред.-сост. Л. С. Круминг. – М. : Информация – XXI век, 2000. – 332 с.
8. Жеребкина И. А. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб. : Алетейя, 2007. – 312 с.
9. Миллетт К. Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 148–172.
10. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – М. : Информация – XXI век, 2002.
11. Феминизм : проза, мемуары, письма / пер. с англ.; под ред. М. Шнейр. – М. : Прогресс; Литера, 1992. – 475 с.

ДИСКУРС СЕКСУАЛЬНОСТИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

**И. А. Колиева, аспирант
Днепропетровский национальный
университет железнодорожного транспорта
им. академика В. Лазаряна, г. Днепропетровск, Украина**

Summary. The article deals with the problem of the formation of female subjectivity. Some basic features of biodeterminism as ones of the approaches to the problem of gender determination are considered. The article presents the notion of hysteria discourse and its interpretation in the works of S. Freud and J. Lacan.

Keywords: female subjectivity; biodeterminism; gender; hysteria; sexuality.

На сегодняшний день многочисленные политические, социальные и культуральные трансформации, которые происходят в общественной жизни современного общества, значительным образом изменяют как привычные аспекты жизни человека, так

и идеологические конструкторы, которые лежат в основе этих норм. Гендерные исследования, будучи междисциплинарными по своему характеру, разрабатывают проблемы идентичности, занимаются разработкой теории «другости» и формирования субъективности. Вопрос определения сущностных характеристик женской и мужской субъективности в условиях постмодерна остаётся одним из ключевых философских вопросов, однозначный ответ на который ещё не получен.

В подавляющем большинстве исследований, начиная с античности и заканчивая современными философскими работами, философы акцентируют внимание на особенностях половой природы мужчин и женщин, считая различия между полами врождёнными, а значит, естественными, и поэтому в течение многих веков учёные писали о мужчинах исключительно в андроцентричном ключе. Такое превосходство мужского над женским в конце XIX века учёные стали объяснять с научной точки зрения, включив данный аспект в свои биологические, физиологические и эволюционные исследования. В XX веке в исследования природы половых различий внесли значительный вклад работы по психоанализу и анализу социокультурных особенностей мужской и женской половой идентичностей. Тем не менее, несмотря на различие подходов к проблемам пола, биодетерминизм как одно из направлений по изучению вопросов пола, и в современных условиях не теряет своей привлекательности для сторонников вульгарного биодетерминизма. Рассматривая пол как первичную и почти неизменную сущность человека, представители вульгарного биодетерминизма настаивают на том, что разделение человечества по половой принадлежности является фундаментальной основой бытия человека, а пол – это и есть сам человек, так как именно пол и конституирует человека [2].

Современные исследовательницы-феминистки не отрицают доказанные наукой биологические факты, но подвергают сомнению их ключевую роль в определении идентичности мужчины или женщины. Важно то, что философы утверждают, что биологические факты не имеют фиксированного и независимого значения, а приобретают ту или иную интерпретацию в зависимости от исторического и социального контекста [1]. В качестве яркого примера такой интерпретации можно привести закон сохранения энергии Э. Кларка и теорию эволюции Г. Спенсера. Считая репродуктивную функцию основополагающей у женщин, Кларк утверждал, что если женщина занимается наукой, энергия уходит

от репродуктивных органов к мозгу, а это является губительным для здоровья женщины. Английский философ XIX века Г. Спенсер утверждал, что общественное разделение труда по половому признаку предопределено биологически, поскольку природа создала мужчин и женщин таким образом и с такими характеристиками, чтобы каждый из них мог выполнять соответствующие своему полу роли. Одной из таких сугубо биологических женских черт выступала истерия. Так называемую «теорию истерии» можно рассматривать как яркий пример проявления биологического детерминизма в попытках объяснить причину различия между женским и мужским полами. Известный учёный-компаративист Ч. Бернхеймер анализирует историю женской истерии как историю изучения мужчинами загадочной «женской души» и женской субъективности, которая в первую очередь определялась показателями сексуальности [6].

Ещё с античных времён единственным объяснением истерического (неадекватного) и необъяснимого, с точки зрения мужчин, поведения женщины служили сексуальные проблемы и расстройства самой женщины. Само понятие «истерия» (от греч. *hystera* – матка), возникшее ещё в Древней Греции, считалось исключительно женским явлением, женской болезнью, «удушьем матки», основным средством лечения которой Гиппократ называл замужество и беременность. В Средние века истерию отождествляли с колдовством, одержимостью бесами, результатом чего стало моральное осуждение и последующее сожжение множества «заболевших» женщин. В XVI веке появились утверждения, в соответствии с которыми истерия связывалась с патологией мозга. Тем не менее, на протяжении многих столетий, вплоть до XIX века, среди врачей поддерживалось мнение, что истерия свойственна только женщинам и соотносится с особой болезнью матки.

Изучение З. Фрейдом случаев как женской, так и мужской истерии и исследование самого феномена истерии привело к выдвижению психоаналитиком некоторых ключевых идей. Так, в своей работе «Исследования истерии» Фрейд, в целом, связывает истерию с сексуальным опытом, сексуальностью, в которой он видит «фундамент истерии» [3]. Подобная идея, безусловно, не была новшеством, но впервые такая связь носила теоретический характер.

В своих поздних работах З. Фрейд, используя «истерию», широко трактует понятие «женской субъективности». По словам самого Фрейда, целью интерпретации именно истерической женской субъективности было стремление понять «женскую сущность»

(«женскую душу»), которая скрыта за множеством сменяющихся, шокирующих мужчину своей непредсказуемостью состояний. Фрейд утверждал, что именно истерия является тем пределом, который отделяет женскую субъективность от мужской [4].

В своих исследованиях Ж. Лакан сделал женскую субъективность одной из ключевых тем, одновременно уделяя особое внимание женской истерии, которую Лакан определял через понятие сексуальности и желания. Ведущей составляющей лакановской структуры желания является желание иметь фаллос, которое, по мнению психоаналитика, представляет собой неотъемлемую часть человеческой субъективности как таковой [5]. Лакан говорит об истерии как о способе, с помощью которого женская субъективность оказывает сопротивление принятым формам её интерпретации и символизации [7]. Понятие истерии как составляющей женского желания Лакан выводит из расщеплённости субъекта, которая формируется на уровне «стадии зеркала», когда ребёнок начинает себя идентифицировать как «Я», одновременно осознавая, что образ самого себя является образом «Другого». Такое двоякое самовосприятие Лакан называет ключевым элементом для понимания субъективности.

Идеи З. Фрейда и Ж. Лакана позднее были взяты на вооружение и претерпели значительные изменения в конце XX века в работах Э. Сиксу, Л. Иригарэ и других философов-феминисток. Следует отметить, что в работах по феминистскому психоанализу структура «женского» также трактуется как «истерическая» структура. Однако исследовательницы рассматривают женский истерический опыт как реализацию женской субъективности в её отличии от мужской и наделяют его позитивными характеристиками. В своих исследованиях философы настаивают на том, чтобы женская субъективность не рассматривалась в оппозиции «нормальное/ненормальное».

Проблема гендерного равенства (или неравенства) остаётся одной из самых неоднозначных проблем современности. Нынешние философские и психологические исследования в этом вопросе до сих пор опираются на социобиологические проблемы, пытаясь дать объяснение особому женскому видению окружающего мира. В гендерных исследованиях проблеме разделения природного и культурного уделяется особое внимание в силу теории социокультурного конструирования пола (гендера), которую применяют в своих научных построениях многие теоретики гендера. В то же время принципы биологического детерминизма,

претерпев незначительные изменения, продолжают использоваться в попытке обозначить различия между полами, часто представляя собой стереотипное отражение господствующей политической и культурной идеологии.

Библиографический список

1. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М. : РОССПЭН, 2004. – 336 с.
2. Коган И. Гендерная культурология: культура пола и пол культуры. – Минск : Ковчег, 2003. – 336 с.
3. Фрейд З. Собрание сочинений : в 26 томах. – Т. 1. Исследования истерии // Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005. – 464 с.
4. Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. – Когито-Центр, 2007. – 544 с.
5. Feminine Sexuality. Jacques Lacan and the Ecole Freudienne / Ed. by J. Mitchell and J. Rose. – W. W. Norton & Company. – 1985. – 200 p.
6. In Dora's Case: Freud – Hysteria – Feminism / Ed. By C. Bernheimer, C. Kahane. – New York : Columbia University Press, 1990. – 344 p.
7. Lacan J. The Ethics of Psychoanalysis. The Seminar of Jacques Lacan. Book VII. 1959–1960. – New York & London : W. W. Norton & Company, 1992. – 352 p.

ПОЛЕМИКА О ТРАВМЕ, АМЕРИКАНСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХИВ PUBLIC FEELINGS

Ф. В. Николаи, кандидат исторических наук, доцент;

А. В. Хазина, кандидат исторических наук, доцент

**Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина,
г. Нижний Новгород, Россия**

Summary. The article deals with theoretical frames of debates about the notion of trauma in the American gender studies and its development during in 1970–2000. Special attention is devoted to the concept of public feelings by Ann Cvetkovich.

Keywords: trauma studies; gender studies; archive; affect; public feelings.

В российских гендерных исследованиях концепт травмы используется крайне редко и скорее как широкая метафора, а не принципиально важное понятие, задающее специфические рамки теоретической рефлексии, как это происходит в американских women's studies. Задачей данной статьи является обозначение этих рамок, а также их когнитивного потенциала в контексте эволюции американских гендерных исследований в 1970–2000-е гг.

С конца 1980-х гг. статьи, посвященные травме, появляются в ведущих американских журналах по гендерным исследованиям – «Women's Studies», «Frontiers», «Signs» «Journal of International Women's Studies». Одновременно в «Journal of Interpersonal Violence», «Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma»; «Journal of Loss and Trauma» начинают выходить тексты по гендерной проблематике. В центре внимания исследователей в обоих случаях оказываются преимущественно три блока проблем.

Одной из первых и наиболее острых тем в критике «патриархата» (еще с начала 1970-х гг.) стало сексуальное насилие. В 1980–1990-е гг. были проведены масштабные социологические исследования, посвященные посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР), очень долго сохраняющемуся у жертв сексуального насилия. Так, по сведениям Карен Данкан из Индианы, до 45% американок в детстве подверглись сексуальному насилию, что даже во взрослом состоянии дает симптоматику ПТСР у 75% опрошенных [5, р. 9]. В этом контексте обращение гендерных исследований и феминистской критики к trauma studies имело как терапевтический, так и критический пафос: необходимо не только помочь жертвам, но и изменить существующее общество, умалчивающее о насилии и его масштабных последствиях.

Другим объектом феминистской критики в 1980–1990-е гг. стало домашнее насилие (Карла Стовер из Йельского университета насчитывает 15719 публикаций, посвященных домашнему насилию, только за 1995–2005 гг. [11, р. 448]). Как утверждают Кэтрин Уормер и Альберт Робертс, даже на 2009 г. ежегодно более 1000 женщин и 300 мужчин в США погибают от домашнего насилия [12, р. 104]. Причем за 1975–2005 гг. этот уровень сократился на 61/83% для белых и черных мужчин, а для женщин – соответственно на 6 и 52% [12, р. 9]. Это насилие также часто вызывает посттравматический синдром и существенно усиливает вероятность его появления после различных других катастроф и стрессовых ситуаций.

Постепенно анализ сексуального и домашнего насилия в women's studies стал смещаться к изучению не столько прямого, сколько косвенного – социально-культурного травмирующего воздействия на психику женщин и формирования жестких гендерных стереотипов, воспроизводящих подобное насилие [2; 6; 9; 10]. Во второй половине 1990-х гг. всё большее внимание исследователей стали вызывать риторические стратегии оправдания

в мужской культуре, правовые и культурные ограничения в реабилитации жертв насилия и т. д. Принципиально важной задачей *women's studies* в этом контексте становится не столько индивидуальная реабилитация, сколько создание широкого спектра социально-культурных стратегий самореализации в рамках различных и гетерогенных сообществ.

Эти задачи подтолкнули исследователей в 2000-е гг. во многом скорректировать ключевые теоретические тезисы *trauma studies*, сформулированные еще в начале 1990-х гг. Ш. Фелман, К. Карут, Д. ЛаКапра и др. Актуальность подобной корректировки многократно возросла и после событий 11 сентября 2001 г. Одним из наиболее удачных примеров теоретических поисков на стыке гендерных исследований и *trauma studies* в 2000-е гг. можно считать работы Энн Каплан, в частности ее монографию «Культура травмы: политика утрат и террора в литературе и медиа» [7].

Каплан пытается переосмыслить фрейдовский психоанализ, традиционно считающийся основой *trauma studies*, через тексты Сары Кофман и Маргарит Дюрас, артикулирующих свой опыт травмы на стыке автобиографии, истории и искусства. Подобное сравнение позволяет говорить о ситуативной эффективности практик траура: Дюрас удалось репрезентировать его в специфическом литературном поле, осознанно используя устойчивые политические и культурные коды модерна (идеи справедливости, права выбора и т. д.) [7, р. 43–57]. Сара Кофман обратилась к своим трудным воспоминаниям (ее отец раввин стал жертвой Холокоста, а мать ради выживания отдала Сару в другую семью), уже будучи состоявшимся философом, в 1993 г. Но весь ее культурный бэкграунд не смог смягчить их сокрушающего воздействия: в 1994 г. Кофман покончила жизнь самоубийством. В данном случае, по мнению Каплан, попытку «проработки» травмы вряд ли возможно отделить от ее «отыгрывания»; а главное, что этот процесс оказал не терапевтическое, но именно разрушительное воздействие на личность [7, р. 58–65].

Каплан подчеркивает, что индивидуальную и коллективную травму трудно разделить. Травма создает нового субъекта, который интернализует последствия катастроф и предельных исторических событий, включая их в свою идентичность. Поэтому так трудно репрезентировать травму в ином контексте, «перевести» ее на другой язык. Но акцент исследовательница делает на субъективном (принципиально зависящем от ситуации и от личных

усилий) сочетании траура и меланхолии, проработки и отыгрывания, рациональных построений и аффективных высказываний в нашей работе с прошлым [7, р. 19].

Если для Э. Каплан важна эта субъективность / субъектность и контекст интернализации травмы, то для Дж. Батлер более значимой представляется универсальность психодискурсивного механизма субъекции. «Обычная модель понимания власти такова: она внедряет себя в нас, и, ослабленные ее силой, мы интернализуем или принимаем ее термины. Что не учитывается в таком подходе, однако, – что сами «мы», принимающие эти термины, фундаментально зависимы от них в «нашем» существовании. Не существует дискурсивных терминов для артикуляции никакого 'мы'. Субъекция состоит как раз в формировании фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает ее. «Субъекция» означает процесс становления субординированным властью и в то же время процесс становления субъектом» [13, с. 16]. Человеческая идентичность (включая свидетельства о травмах) для Батлер становится результатом этого универсального механизма работы власти. Она говорит о *precarious life* – «хрупкой», или «ранимой», жизни, уязвимость которой активно используется властью для сохранения и воспроизводства насилия. Так, события 9/11, продемонстрировавшие не только уязвимость, но и фундаментальную зависимость «нас» от «других», включая вполне искреннее доверие к лидерам нации (в том числе даже Э. Каплан), были использованы для развертывания войны и агрессии, а также, по мнению Батлер, для роста авторитарных тенденций внутри США [1, р. XIV–XV].

Условно посередине между субъектностью практик *trauma culture* Э. Каплан и универсальностью власти Дж. Батлер можно поместить проект исследования «общественных эмоций» [*public feelings*] еще одной известной в США представительницы *women's studies* Энн Кветкович. Объектом ее анализа стала не сама «война с террором» и изменение международных отношений после терактов 9/11, но трансформация менталитета – как осознаваемых, так и полусознанных эмоций и установок общественного сознания. Кроме того, целью ее проекта стало «усиление влияния феминизма в обществе» и «преодоление «эпистемологического шока» от травмы 9/11» [4, р. 464]. Собственно агрессия в отношении Афганистана и Ирака, по мнению Кветкович, является лишь частью огромного массива эмоций, вызванных у людей

событиями сентября 2001 г., – гнева и боли, меланхолии и скорби, апатии и уныния, – иногда амбивалентных и трудно артикулируемых ощущений [public feelings]. Психоаналитический инструментарий для анализа этой сферы не всегда не подходит, поскольку склонен редуцировать сложные культурные комплексы, социальные связи и вызванные ими эмоции к бессознательным влечениям. Ядром public feelings становится аффект, управляющий не только поведением отдельных индивидов, но и культурной политикой сообществ [4, р. 460]. По мнению Кветкович, именно аффект составляет основу современных субкультур и медиа, фильмов и музыки, фотографии и литературы, дневников и автобиографий, которые в разной форме преобразуют личный опыт в коллективный. Причем этой трансформации подвержены также травматические события и социальные катастрофы, которые с одной стороны всегда ставят перед выжившими неразрешимые экзистенциальные вопросы, а с другой – вписываются в новую повседневность.

Сфера public feelings интересна исследовательнице не только как объект отвлеченного научного исследования, но как мощный ресурс сопротивления капиталистической идеологии и преодоления затяжной «политической депрессии» левых: «Проект изучения public feelings пытается выйти за рамки понимания аффективного лишь через сферу эмоций. Он призван пересмотреть либеральные формы аффекта. Более того, он рассматривает в терминах аффекта сам неолиберализм, использующий словарь толерантности, многообразия и мультикультурализма... в попытке управлять гетерогенным наследием истории» [4, р. 465].

В работе «Архив ощущений: травма, сексуальность и лесбийская публичная культура» Кветкович подчеркивает принадлежность исследований травмы именно публичной сфере, причем они «меняют наше понимание публичности» [3, р. 16]. Разные социальные группы всегда используют те или иные события (войну во Вьетнаме, убийство Кеннеди и т. д.) в своих целях, и в первую очередь для оправдания своего господства, включая классовое и расовое угнетение. В современном обществе протестные движения выливаются не только в форму политических демонстраций, забастовок и революций, но и участвуют в борьбе за изменения public feelings (любви, близости, вины, стыда и т. д.) Голливуд и культуриндустрия пытаются их упорядочить и кодифицировать, систематизировать в архив. «Травма бросает вызов тому, что создает архив. Иногда травма вообще не оставляет

свидетельств, а иногда создает новые формы выражения – свидетельские показания, перформансы и т. д.» [3, р. 7]. За пространство public feelings и публичной памяти идет постоянная борьба между культурой господствующей и разнородными культурами сопротивления, в ходе которой «традиции угнетенных» пытаются создать собственные символические коды и архивы нового типа (из вещей, фотографий, музыки, фильмов, свидетельских показаний и т. д.). Подобные архивы формируют новую культурную память [3, р. 37] и «аффективное гражданство» – сплав личного и общественного.

Само понятие травмы, по мнению Кветкович, также используется в разных целях. Queer-studies, опираясь на идеи неомарксистов, в частности концепцию «шокового опыта» В. Беньямина, используют его для трансформации социальных отношений и культурных практик. Однако этот подход в последнее время оказался отгеснен на задний план нормативным медицинским-психоаналитическим дискурсом, превращающим trauma studies из активного сопротивления угнетенных в индустрию пассивной виктимности [3, р. 44]. Если queer-studies обращались преимущественно к структурному уровню (и в первую очередь коллективному опыту и аффективному языку, описывающему жизнь при капитализме), то медицинский дискурс интересуется индивидуальными событиями, которые кажутся ему нерепрезентируемыми [3, р. 274].

Ключевым вопросом trauma studies для Энн Кветкович становится соотношение структуры и события – проблема, после сентября 2001 г. решаемая через признание границ памяти и форм репрезентации травмы. Ее концепция сама становится «симптомом» смещения акцентов в американских женских и гендерных исследованиях в 1980–2000-е гг. – от социологического анализа к поиску новых теоретических моделей. В этом контексте история гендерного неравенства, насилия локальных конфликтов и собственно события 9/11 становятся местом встречи тенденции к социологизации и теории перформатива, диалога между которыми не было до конца 1990-х гг.

Таким образом, важным достижением women's studies в 2000-е гг. становится переосмысление границ частного и публичного, а также привлечение внимания к сфере «общественных эмоций» и работе аффекта. В этом контексте trauma studies стали их важным союзником в попытке переосмысления постструктурализма и деконструкции 1980–1990-х гг., которые подвергли радикальному сомнению устойчивость принципиально важных для женских исследований понятия идентичности и опыта. Однако

подобно тому, как в 1980–1990-е гг. Джоанн Скотт сначала популяризировала понятие гендера, а потом выступила с критикой его расширенной трактовки, в 2000-е гг. женские исследования в США начали не просто работать с понятием травмы как проблематизацией идентичности, но и критически переосмысливать его. Джейн Килби выразила этот растущий скепсис следующим образом: «Мы надеялись вызвать изменения. Но кажется, изменился лишь дискурс» [8, р. ix]. В результате понятие травмы всё чаще выступает для женских и гендерных исследований не как самоцель, но как средство проблематизации своих политических позиций и концептуальных ожиданий, связанных с «женской идентичностью», позволяя частично переосмыслить, но во многом сохранить его не-репрезентируемое (и, на наш взгляд, несколько метафизическое) ядро.

Библиографический список

1. Butler J. *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. – Verso, 2006. – 168 p.
2. Cocca C. *Jailbait: The Politics of Statutory: Rape Laws in the United States*. – New York : State University of New York Press, 2004. – 242 p.
3. Cvetkovich A. *An Archive of Feelings: Trauma, Sexuality, and Lesbian Public Culture*. – Durham : Duke University Press, 2003. – 355 p.
4. Cvetkovich A. *Public Feelings* // *South Atlantic Quarterly*. – 2007. – Vol. 106. – № 3. – P. 459–468.
5. Duncan K. A. *Healing from the Trauma of Childhood Sexual Abuse: The Journey for Women*. – N. Y. : Praeger, 2004. – 264 p.
6. Henry N. *War and Rape: Law, Memory and Justice*. – New York : Routledge, 2011. – 184 p.
7. Kaplan A. *Trauma Culture: The Politics of Terror and Loss in Media and in Literature*. – Rutgers University Press, 2005. – 208 p.
8. Kilby J. *Violence and the Cultural Politics of Trauma*. – Edinburgh University Press, 2007. – 160 p.
9. Place V. *The Guilt Project: Rape, Morality and Law*. – N.Y. : Other Press, 2010. – 226 p.
10. Sielke S. *Reading Rape: The Rhetoric of Sexual Violence in American Literature and Culture, 1790–1990*. – Princeton : Princeton University Press, 2002. – 256 p.
11. Stover C. S. *Domestic Violence Research: What Have We Learned and Where Do We Go From Here?* // *Journal of Interpersonal Violence*. – 2005. – Vol. 20. – Iss. 4. – P. 448–454.
12. Wormer K. van, Roberts A. R. *Death by Domestic Violence: Preventing the Murders and Murder-Suicides*. – Westport, London : Praeger, 2009. – 208 p.
13. Батлер Дж. *Психика власти: теории субъекции*. – Харьков, СПб. : Алетейя, 2002. – 160 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЧУЖДЕННОЙ ТЕЛЕСНОСТИ

**С. В. Бацанова, кандидат философских наук
Белгородский государственный технологический
университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия**

Summary. Corporeality – one of the most important factors in the formation of Me. It is constructed personality and society in accordance with the culture, but at the same time, physicality appears as taboo area, opposed to the spirit, creativity, fine. Regulating female corporeality, society forms a complex system of alienation Me from the body, understanding of the body as separate from the identity of an object indispensable for physical existence, but not as part of the personality.

Keywords: gender; normative; the project; the social model; body; corporeality of the body.

Возникновение проблемы женской телесности напрямую связано с осознанием её в качестве одной из базовых характеристик женской субъективности, занимающей маргинальную позицию в культурном пространстве. Рассматривая специфику и отличие женской телесности от мужской, мы сталкиваемся с тем, что для неё не в полной мере подходит описание через понятия рациональности и мышления. Женская субъективность формируется по принципу отличия, а не подобия. Особое место в конструировании субъективности занимает тело, роль и значение которого не до конца осознаны и проанализированы.

Традиционное понимание женского как телесного, земного, греховного не отражает понимания женской телесности самими женщинами. Современная феминистическая философия стремится построить концепт женского тела через понятия «желания», «власть», «бессознательное», «политика», выйти за рамки принципа субъективности, используя различные варианты внесубъектного анализа. Но рассмотрение социокультурных механизмов формирования женской субъективности всё еще не потеряло своей научной актуальности, на наш взгляд.

Социокультурные механизмы формирования женской субъективности базируются на понимании обществом «нормы» реализации особой женской функции – рождения ребенка. Это влечет за собой набор ограничений и стереотипов, помогающих гендерной системе контролировать отношения «женщина – её тело». Телесная сфера не имеет личностно значимого статуса как сопряженная с чувственностью, сексуальностью, «неудобством», она противопоставлена духовной сфере, в которой формируются

понятия чистоты и порядочности. Обществом осознанно формируется отчужденность тела от личности, женщина лишена социально одобряемых моделей постижения собственной телесности. Тело – это инструмент деятельности, постоянно нуждающийся в «исправлении» и коррекции.

Женская субкультура оценивает женскую телесность по двум параметрам: внешняя привлекательность в рамках «брачного рынка» и фертильность. Чистая невеста, хорошая мать – эти характеристики не дают возможности для понимания собственной телесности и чувственности. Женщина дистанцирована от собственного тела, она не знает его возможностей, не знает, как с ним взаимодействовать в соответствии со своими потребностями, а не с запросом общества. Тело становится объектом наблюдения, отделенным от личности невидимой, но четко осознаваемой стеной. «В общем виде отчуждение от тела может быть описано как установление такой мысленной дистанции между «Я» и собственным телом, при которой последнее перестает восприниматься личностью как категория «Я», «являющееся мной», а становится «чужеродным», «иным», «вменным мне» или «принадлежащим мне» [1, с. 115].

Специфика оценки женщиной собственного тела такова, что она ориентирована, прежде всего, на мнение Другого. В нём, Другом, в зеркале, она ищет подтверждение соответствия своего физического облика своему гендерному статусу. Главная задача тела – быть физическим проявлением духовного и социального конструкта, создаваемого женщиной в процессе своей жизни. Здесь необходимо уточнить, что тело рассматривается как фундамент внешнего облика, создаваемого с помощью одежды, причёски, обуви. Тело не имеет самостоятельной ценности, потому что женщина лишена потребности в постоянном соединении тела и Я в структуре субъективности.

Формирование осознанного отношения к телу, внимания всегда сопряжено с личностным переживанием тела, написанием собственной истории тела, включающей наиболее важные и значимые чувственные события. Однако культура, как правило, ограничивает женщину в исследовании собственной чувственности, стоя на позиции «свобода тела – свобода поступка», а последнее ставит под удар важнейший из социальных институтов патриархальной модели общества – семью. При этом мы должны понимать, что всегда были женщины остро и тонко чувствующие свое тело, осознанно формирующие чувственную телесность в соответствии со своим потребностями. Но это только подчерки-

вает ту отчужденность, которая характеризует отношения большинства женщин с собственным телом.

Формирование отчуждения – неотъемлемый компонент воспитания девочки. Первой предпосылкой для этого служит запрет на разглядывание собственного обнаженного тела, исследование его, естественный интерес ребенка к устройству своего физического тела, лишенный еще сексуального контекста, не только обрывается, но и переносится на тело «культурное». В качестве «правильного», «культурного» тела предстает одетое и чистое тело, внимание девочки акцентируется на красоте одежды, волос, аксессуарах, впечатлении, производимом на окружающих. Мнение внешнее, осознанное стремление понравиться Другому, получить его одобрение становится важным компонентом гендерного становления девочки. Второй, но не менее важной предпосылкой становится наиболее одобряемая, важная одежда – платье, ограничивающее возможность физической активности, расширяющее территорию, занимаемую телом, делающее его другим, социально привлекательным и красивым.

Именно акцент на внимании Другого делает женское тело самостоятельным, отделенным от субъекта. По мере взросления, построения личности и субъективности отчужденность и ориентация на Другого приобретают всё более осознанные формы. Это в первую очередь ограничения тела, нацеленные на создание привлекательного внешнего облика. К таким ограничениям и дисциплинарным практикам относятся: диеты, носящие карательный, ограничивающий характер, ориентированные не на здоровье, а на стремительный возврат внешней привлекательности, неудобная или условно удобная одежда и обувь, ограничивающие возможность движения, деформирующие тело (каблук, корсет, узкие юбки и т. д.). В систему этих практик девочка-подросток включается вместе с приобретением первых признаков подступающей женской привлекательности (формирование вторичных половых признаков, менархе, переход на «женскую» обувь, смена белья), научение жить в системе физических ограничений становится синонимом женственности, социально одобряемым поведением. Тело тем самым всё больше приобретает значение арены для демонстрации внешних гендерных маркеров. Мотивы здоровья, удобства отступают на второй план, согласуясь только с необходимостью быть физически готовой для материнства. Но потенциальная физическая готовность к материнству – это вновь ориентация телесности на Другого, в роли которого выступает будущий ребенок.

Дальнейшее становление телесного опыта, расширение чувственности в рамках социально одобренных практик также ориентировано на Другого: мужа, любовника. Чувственность в женскую телесность приносится извне, в патриархальном обществе она не является частью женщины, она дается ей мужчиной и существует только в союзе с ним. Самостоятельное желание, чувственность осознанная и осмысленная вне мужчины не существует.

Именно ориентированность на внешнее не дает возможности развиваться такой ценности в женской картине мира, как здоровое тело. Тело здоровое не для материнства, не для удержания мужчины, а как самостоятельная ценность, четко сознаваемая собственная потребность.

Наиболее красочно иллюстрирует данное предположение феномен «использованного тела». Отказ женщины после рождения ребенка от поддержания тела в ориентированной на Другого привлекательной форме, концентрация на роли матери, замена «Я» на описание в третьем лице «мама Вани» приводят к тому, что тело перестает восприниматься как важная часть жизни. Смена социального и семейного статуса зачастую становится демаркационной линией отказа от телесности.

С уходом потребности в брачной конкуренции телесность приобретает характеристики в рамках болезни и её отсутствия, что в свою очередь делает её объектом медицинского внимания и манипулирования, а не осознанного формирования отношений «Я – тело».

Сегодня мы можем наблюдать изменения данных предпосылок: формируется более осознанное отношение к телу, здоровье становится самостоятельной ценностью, получаемой в результате реализации четко сформулированной стратегии здорового образа жизни, материнство перестает быть центральным событием телесной биографии. Однако телесная отчужденность, ощущение тела как внешнего, неважного, вторичного остаются актуальными в современном обществе. Описанные нами предпосылки формируют и, вероятно, будут еще длительное время способствовать формированию социально и культурно удобного женского тела, ориентированного на потребности Другого, не умеющего слушать себя и выделять собственные потребности и желания.

Библиографический список

1. Барлыбаев Х. А. Актуальные проблемы современной науки о человеке // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 5. – С. 117–124.

2. Куркин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культуросоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 1–2. – С. 56–75.
3. Макаревич Э. Ф. Имидж в современном мире // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 3. – С. 39–59.
4. Нестерова М. А. Человеческое тело в культуре и моде последней трети XX – начале XXI века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 60. – С. 202–208.
5. Станковская Е. Б. «Мое чужое тело»: формы современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Мир психологии. – 2011. – № 4. – С. 112–119.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М. : Магистериум. Изд. дом «Касталь», 1996. – 446 с.

КАЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**А. В. Дресвянина, кандидат педагогических наук
Северный Арктический федеральный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия**

Summary. The article is devoted to the analysis of qualitative characteristics of gender identity. The author proposed evaluation criteria for the definition of the essence and mechanisms of formation of flexible and rigid gender identity, personality, presented in psychological and pedagogical science. Updated the content of the concept and component structures gender identity of a person.

Keywords: gender identity; flexible and rigid quality characteristics of gender identity; structure; gender identity.

Переход социальных отношений к реальному равноправию актуализировал проблему формирования гендерной идентичности человека. Реализация гендерной идентичности обеспечивает преобразование внешних гендерных норм, образцов и ролей в индивидуализированный опыт личности. Определяет особенности и направления мужской и женской индивидуальности и механизмов её формирования в онтогенезе. В рамках гендерного подхода создание гендерной идентичности понимается как производство гендера с помощью механизмов социального взаимодействия. То есть биологические факторы определяют возможность психосексуальной дифференциации, а социокультурные – её направление. Её осознание человеком «включает» процесс саморегуляции и мониторинг своего поведения и поведения других в соответствии с матрицей гендерной идентичности [1].

Анализ научных источников позволяет рассматривать гендерную идентичность как базовый компонент социально обусловленного целостного развития личности, внутренняя динамическая структура которого детерминирует самосознание субъекта и определяет особую систему представлений о себе и своей социально-половой роли, формируемой в социокультурном контексте. Нелинейное её развитие на протяжении всей жизни человека происходит под воздействием особенностей культурных традиций, норм, в зависимости от включённости субъекта в какую-либо социальную категорию [2, с. 116]. Это способствует формированию качественной характеристики гендерной идентичности. Наиболее полное представление о её содержательном состоянии даёт возможность получить критерий-признак как некий эталон, показатель, по которому можно судить о качественном типе гендерной идентичности. Полагаем, следует выделить жёсткое или гибкое специфическое своеобразие изучаемого личностного образования.

Жёсткая гендерная идентичность характеризуется наличием в самосознании гендерных стереотипов в отношении категорий «мужское» / «женское» оценкой и регулированием себя, людей своего и противоположного пола в соответствии с нормативными эталонами маскулинности и фемининности. Отступление от моделей поведения и черт характера, закреплённых за определённым полом, приводит к непониманию и неприятию других, затрудняет самореализацию личности.

Гибкая гендерная идентичность характеризуется осознанным восприятием гендерных стереотипов, готовностью принимать различные типы гендерной идентичности, многообразием проявлений гендерного поведения, исходя из индивидуальных убеждений. Ценностные установки и культура взаимоотношения полов основаны на принципах гендерного равноправия в социуме и взаимоуважении.

Критериями качественной характеристики гендерной идентичности определяем: гендерную чувствительность, гендерную толерантность и гендерное поведение, обеспечивающие постоянство чувства собственного соответствия телу и себе во времени [3]. Вариативность обозначенных критериев рассматривается как наличие стереотипизированных либо эгалитарных оснований анализа отношений «мужское /женское» у одного субъекта. Например, характер «гендерной схемы», проявления выборов, эмоционально-ценностное отношение и оценка собственного

поведения и поведения других людей при наличии гендерных стереотипов имеют множество вариантов. Конкретные личности, следующие принятым установкам или интерпретирующие их по отношению к себе и другим, будут весьма отличаться. Вариативность критериев зависит от того контекста, в котором социализируется индивид. Патриархатные либо эгалитарные ценности обуславливают показатели качественной оценки.

Гендерная чувствительность – критерий оценки системы установок личности. При гендерно-стереотипизированном исходном положении различия признаются, а равенство – нет. Примером может являться отношение к женщинам как к «слабому полу», особой группе, нуждающейся в защите. При эгалитарной системе установок признаются и гендерные различия и равенство полов. Принимаются во внимание индивидуальные различия и различные взгляды на женщин и мужчин.

Гендерная толерантность как критерий отражает систему установок, связанную с эмоциональной оценкой гендерных проявлений. Стереотипизированное основание исходит из групповых норм дихотомической логики, когда маскулинность и фемининность являются нормативными эталонами, взаимоисключающими друг друга. Например, оценка на соответствие, с которым разделяют окружающую действительность на «правильную» и «неправильную», а идея равенства не поднимается. Эгалитарный подход исходит из уважительного и терпимого отношения к людям самим по себе, вне зависимости от пола и типа гендера. Это позволяет строить взаимодействие представителей обоих полов с отчётливой рефлексией имеющихся между ними различий на принципах равенства.

Гендерное поведение как критерий жёсткой или гибкой гендерной идентичности воспроизводит систему установок во внешней реакции индивида. Стереотипизированное отражение соответствует гендерным ролям, установленным для определённого пола. Эгалитарное поведение основано на индивидуальных убеждениях и личностно значимых ценностях через «гендерный дисплей».

Сохранение, поддержание и развитие обозначенных характеристик обеспечивает структура гендерной идентичности. Традиционно исследователи выделяют три структурных компонента: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Опираясь на теоретический анализ психологической литературы и теорию гендерных схем С. Л. Бэм [4], уточняем содержание

обозначенных компонентов: когнитивный – включает половое самосознание, гендерную схему как познавательную структуру, формирующую в сознании сеть связанных с полом ассоциаций для селекции на категории «мужское/женское» внешней и внутренней информации в отношении к самому себе; эмоционально-оценочный – содержит систему индивидуальных эмоционально-оценочных значений на соответствие гендерной схеме, приемлемых для собственного пола. Данный компонент является наиболее глубинной, интимной структурой осознания своей гендерной идентичности; поведенческий – представлен потенциальной внешней реакцией индивида, конкретными действиями реализации индивидуальности и предполагает оценку и регулирование собственного поведения на основе гендерной схемы.

Гендерная идентичность как многоуровневая взаимосвязанная система устанавливает интегративные связи между основными сферами личности: ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой и деятельностно-поведенческой, детерминирующими личностную целостность [5, с. 203–207].

Таким образом, формирование качественно жёсткой гендерной идентичности ведёт к строгому следованию стереотипам и возможности возникновения внутриличностного конфликта. Гибкость гендерной идентичности приводит к пластичности поведения, познанию и принятию двуединства мужского и женского начал, что, полагая, обеспечивает целостное развитие личности.

Библиографический список

1. Воронина О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под. ред. О. А. Ворониной. – М. : МЦГИ МВПСЭН – МФФ, 2001. – С. 13–108.
2. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 116.
3. Гидденс Э. Социология. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 611 с.
4. Бэм С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов = The lenses of Gender. Transforming the debat on sexual inequality / пер. с англ.; Ин-т соц. и гендер. политики. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 314.
5. Столярчук Л. И. Теоретические аспекты гендерного образования // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве : материалы третьей Международной научной конференции, 3–9 мая 2005 г., Калининград-Варшава. – М. : МАНПО, 2005. – С. 203–207.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛАТЕРАЛИЗАЦИИ МОЗГА

**А. С. Садвакас, старший научный сотрудник, соискатель
Казахский национальный медицинский университет
им. С. Д. Асфендиярова, г. Алматы, Казахстан**

Summary. Lateralization of brain function reflects cognitive abilities. Profile inter-hemispheric functional asymmetry has sexual distinctions and natural age dynamics. Parts of the brain which are responsible for spatial and verbal cognitive abilities in men reside in opposite hemispheres, and conversely in women, these cognitive abilities occur approximately equally in both hemispheres.

Keywords: lateralization; brain function; right hemisphere; left hemisphere; cognitive abilities; sexual differences; and asymmetry.

Латерализация функций головного мозга, т. е. процесс перераспределения психических функций между правым и левым полушариями головного мозга, наступает в онтогенезе. Индивидуальный профиль межполушарной функциональной асимметрии представляет собой изменчивое образование, имеющее половые различия и закономерную возрастную динамику [1, с. 77]. На сегодняшний день существуют следующие представления о функциональной асимметрии полушарий (рис. 1): в левом полушарии преобладают аналитические процессы (в частности, речь), левое полушарие также отвечает за вербально-логическое мышление и рациональное поведение. В правом же полушарии преобладают синтетические процессы, с функцией правого полушария связывают эмоции, подсознание, интуицию. В последнее время активнее всего разрабатывается направление, рассматривающее половые различия в познавательной сфере с функциональной специализацией мозговых полушарий. Согласно этим представлениям мужчины и женщины различаются по билатеральной электрокожной активности, по взаимосвязи разных форм асимметрии больших полушарий, латерализации эмоций. Показано, что при осмыслении слов мужчины пользуются преимущественно левым полушарием, а женщины – обоими.

По теории Г. Ленделла (1962), подтверждённой его собственными наблюдениями над большими эпилепсией и данными более поздних исследований, отделы мозга, отвечающие за пространственные и вербальные способности, у мужчин располагаются в противоположных полушариях, а у женщин приблизительно поровну в обоих полушариях. В связи с этим у мужчин поражение левого полушария ухудшает выполнение вербальных тестов, а поражение правого полушария – невербальных, у женщин же успешность в выполнении

вербальных и невербальных тестов не зависит от того, какое полушарие повреждено. И если в результате несчастного случая повреждается левое полушарие, у женщин восстановление основных функций (за счёт правого полушария) происходит быстрее, чем у мужчин.

Рис. 1. Функциональная асимметрия полушарий

Изучая последствия удаления части височной доли в случае эпилептических припадков, Г. Лэнсделл одним из первых пришёл к мысли, что некоторые физиологические механизмы, лежащие в основе зрительно-пространственных и вербальных способностей, в женском мозге могут перекрываться. А в мужском мозге они располагаются в противоположных полушариях [2, с. 853]. Более поздние клинические работы привели к тем же выводам. Так, по данным психолога Дж. Мак Глоун, афазия вследствие локальных повреждений в левом полушарии у мужчин встречалась в три раза чаще, чем у женщин. Она также установила, что у мужчин повреждение левого полушария ухудшало в основном выполнение вербальных заданий (по данным шкалы Векслера), а повреждение правого полушария – выполнение невербальных тестов. У женщин же показатели IQ по вербальным и невербальным тестам не зависели от стороны поражения [3, с. 125]. Исследования половых различий в межполушарном распределении функций на здоровых испытуемых с помощью дихотических тестов в основном подтверждают эту закономерность, хотя есть исследования, в которых половых различий при выполнении дихотических тестов не было обнаружено [4, с. 270; 7, с. 241].

Половые различия в латерализации пространственных способностей, как свидетельствуют исследования, проведённые на

детях, возникают довольно рано. С. Уайтлсон провела обследование 200 детей от 6 до 13 лет с помощью предложенного ею теста с дигаптической стимуляцией. Испытуемый в течение 10 секунд одновременно ощупывает разными руками два разных, скрытых от глаз предмета неопределённой формы, а затем он должен был выбрать эти две фигурки из шести выставленных на его обозрение. Результаты оценивались по числу предметов, правильно выбранных каждой рукой. Проведённый анализ показал, что девочки одинаково хорошо опознавали объекты, которые предварительно ощупывали как правой, так и левой рукой. У мальчиков же показатели для левой руки были значительно лучше, чем для правой. Девочки распознают предметы на ощупь одинаково хорошо правой и левой рукой, между тем как мальчики значительно лучше распознают предметы, когда ощупывают их левой рукой. Эти данные свидетельствуют о том, что правое полушарие становится специализированным для пространственного восприятия у мальчиков раньше, чем у девочек [8, с. 427].

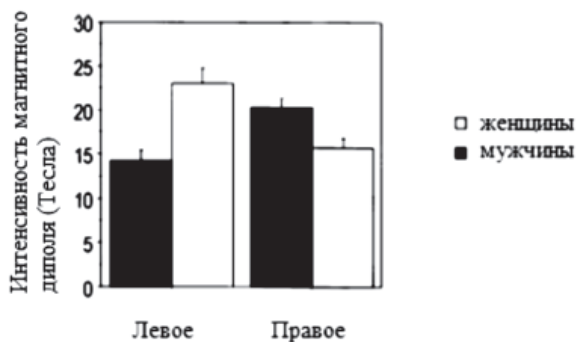

Рис. 2. Межполушарная асимметрия магнитного диполя

Психологи и лингвисты университета Констанц Германии Ж. Облезер, Л. Еулитц, А. Лахири и Т. Елберт определили функциональную гемисферическую асимметрию при произношении звуков у 14 здоровых испытуемых (7 мужчин и 7 женщин) в возрасте 25–27 лет с помощью Нейромагнетометра (MAGNES 2500, 4D Neuroimaging). Нейромагнетометр фиксировал интенсивность изменчивости магнитного диполя при произношении звуков в обоих полушариях (рис. 2). Результаты исследований выявили гемисферическую языковую асимметрию при произношении

звуков: у мужчин интенсивность больше выражена в правом полушарии, у женщин – в левом [5, с. 132].

Таким образом, данные как клинических работ, так и исследований здоровых испытуемых отражают гендерные различия функциональной латерализации мозга. Как отмечал Ч. Синглтон: «Биологические интерпретации половых различий в познавательных способностях не объясняют всей сложности имеющихся данных, хотя данные биологии весьма значимы, особенно когда речь идёт о мозговой латерализации» [6, с. 75].

Библиографический список

1. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. – М. : Мир, 1983.
2. Lansdell H. A. Sex difference in effect of temporal lobe neurosurgery on design preference // *Nature*. – 1962. – Vol. 194.
3. McGlone J. Sex differences in functional brain asymmetry // *Cortex*. – Milan. – 1978. – Vol. 14.
4. McKeever W. F. Cerebral organization and sex: Interesting but complex // Scott G., Alien T. (eds.) *Language, gender and sex in comparative perspectives*. – Cambridge, 1987.
5. Obleser J., Eulitz C., Lahiri A., Elbert Th. Gender differences in functional hemispheric asymmetry during processing of vowels as reflected by human brain magnetic response // *Neuroscience Letters*. – 2001. – № 314.
6. Singleton Ch. Sex role in cognition // Mitchel A., Cagan B. (eds.) *The psychology of sex roles*. – London, 1986.
7. Wada I. A., Clark R., Hamm A. Cerebral hemispheric asymmetry in humans // *Archives of Neurology*. – 1975. – Vol. 32.
8. Witelson S. F. Sex and single hemisphere: Specialization of the right hemisphere for spatial processing. – *Science*. – 1986. – Vol. 193. – № 4249.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕНСОМОТОРНЫХ РЕАКЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ Г. ЛЯНТОР С УЧЕТОМ ПОЛОВОЗРАСТНЫХ РАЗЛИЧИЙ

**Д. А. Сидоренко, аспирант; Т. Ю. Поскина, аспирант
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Тюменская область, Россия**

Summary. This article presents the results of research psychophysiological features of sensorimotor reactions of students of secondary school level, taking into account gender and age differences.

Keywords: physiological characteristics; sensorimotor response; gender differences; age dynamics.

Психофизиологические функции человека являются предметом изучения специалистов различных профилей. Психологи

и педагоги, нейрофизиологи и биологи, представители различных других наук в различных аспектах изучают сенсомоторные реакции учащихся. Особую значимость эти исследования приобретают в образовательной сфере, где традиционно считается, что продуктивность учебной деятельности зависит от ряда внешних факторов как социального, так и природного характера [4; 5].

В настоящее время в литературе имеется мало данных, которые бы представляли изучение хаотической динамики изменения психофизиологических функций человека в половозрастном аспекте в условиях Севера.

В этой связи представляется наиболее целесообразным изучение психофизиологических особенностей детского организма в период его роста и развития с позиции гендерных различий.

Работоспособность обучающихся в работах М. В. Антроповой, А. В. Акуровой, Н. Б. Бушанской, С. А. Нетопиной, Н. М. Поповой и др. рассматривается в связи с возрастом, полом, состоянием здоровья, психофизиологическими характеристиками человека (силой, подвижностью нервных процессов, тревожностью, экстраверсией или интраверсией и т. д.), с физической, сенсорной, учебной нагрузкой, успешностью обучения [1; 2].

В данной работе с помощью психофизиологических тестов нами были проведены исследования состояния возрастной динамики сенсомоторных показателей испытуемых 217 человек (учащиеся МБОУ «Лянторская СОШ № 5»). Состояние сенсомоторных реакций оценивалось с помощью авторской методики [3] и регистрировались: зрительно-моторные реакции на возникновение цветного квадрата, 2-х разных по цвету квадратов, квадрата в разном поле экрана, аудиомоторные реакции с генерацией звука случайным образом, скорость распознавания четных чисел, скорость распознавания символа с нажатием соответствующей цифры, а также предлагалось задание на внимательность, где из длинного ряда 4-х видов фигур было необходимо выделить (не пропустить) фигуры одного вида. Оценивались точность и скорость выполнения заданий.

Все данные показатели рассчитывались на ЭВМ. Определялись все интервалы изменения сенсомоторной реакции в зависимости от возраста и половой принадлежности испытуемых.

Рассмотрим более подробно результаты этих исследований, которые наглядно представили особенности онтогенеза НМС детей и подростков в условиях проживания северного региона. Итоговые данные по всем психофизиологическим параметрам (включая сенсомоторные реакции P1–P4) представлены в таблице.

**Результаты статистической обработки данных параметров
психофизиологических тестов мальчиков и девочек 6–7
и 9–11 классов МБОУ «Лянторская СОШ № 5»,
декабрь – январь 2013/2014 учебного года**

		P1	P2	P3	P4	P5	P6	P7
6 класс	мальчики	0,28	0,29	0,30	0,50	1,19	2,32	23,04
	девочки	0,44	0,30	0,44	1,07	1,92	2,00	30,17
7 класс	мальчики	0,32	0,30	0,47	1,14	2,41	2,55	24,87
	девочки	0,36	0,33	0,72	1,45	2,53	2,13	24,54
9 класс	мальчики	0,39	0,36	0,52	1,26	2,42	2,38	25,19
	девочки	0,38	0,42	0,62	1,37	2,25	1,94	32,69
10 класс	мальчики	0,26	0,26	0,68	1,00	2,05	2,22	21,75
	девочки	0,27	0,27	0,41	1,08	1,93	2,19	29,27
11 класс	мальчики	0,30	0,30	0,62	1,22	2,19	1,90	23,30
	девочки	0,27	0,49	0,64	1,14	2,34	2,11	26,55

Примечание. Здесь: P1 – латентный период (ЛП) реакции на включение квадрата в постоянном месте экрана, (с); P2 – ЛП реакции на звуковой сигнал, (с); P3 – ЛП реакции на появление квадрата в произвольном месте экрана, (с); P4 – ЛП реакции на появление зеленого / красного квадрата в произвольном месте экрана, (с); P5 – ЛП распознавания чётных и нечётных чисел, (с); P6 – ЛП распознавания символа, (с); P7 – сосредоточенность внимания, (с).

В целом, по полученным результатам статистического анализа можно говорить об особенностях данных групп учащихся. В частности, результаты тестирования выявили, что латентный период сенсомоторной реакции на зрительный раздражители (P1) имеет существенные различия у девочек (0,44) и мальчиков (0,28) 6 класса. А у учащихся старшего звена, 9–11 классов, таких различий среди девочек и мальчиков не наблюдается. Полученные данные по P2 не выявили половозрастных отличий, результаты P3 свидетельствуют о различии выполнения у мальчиков 6–7 классов (0,30; 0,47), у девочек (0,44; 0,72) соответственно. У учащихся 9 и 11 классов таких различий не выявлено. У учащихся 10 класса данные девочек (0,41) ниже, чем у мальчиков (0,68). Отличительно, что при выполнении P5 результаты девочек 6–10 класса ниже результатов мальчиков.

Выводы

Исходя из результатов полученных исследований, психофизиологические особенности сенсомоторных реакций имеют половозрастные особенности, особенно ярко это выражено у учащихся среднего звена. В целом полученный кластер результатов по состоянию сенсомоторных систем учащихся имеет как научное, так и прикладное значение в психофизиологических исследованиях и педагогическом процессе и имеет большое практическое значение для педагогов, работающих с ребенком на разных этапах развития. Он позволяет понять, чему, когда и как можно и нужно учить детей, как выстроить учебный процесс, чтобы на каждом возрастном этапе развития этот процесс был наиболее эффективным.

Библиографический список

1. Адаптация и здоровье / отв. ред. Э. М. Казин. – Кемерово, 2003. – 301 с.
2. Антропова М. В. Работоспособность учащихся и ее динамика в процессе учебной и трудовой деятельности. – М. : Просвещение, 1967. – 251 с.
3. Еськов В. М., Брагинский М. Я., Майстренко Е. В., Филатова Д. Ю. Исследование параметров сенсомоторных реакций и когнитивных функций человека в многомерном фазовом пространстве состояний // Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ № 2010615024, РОСПАТЕНТ. – М., 2010.
4. Еськов В. М., Шатрова О. И., Козлова В. В., Нагорная С. М., Филатов М. А. Состояние показателей функциональных систем организма (ФСО) учащихся представителей народов ханты // Экологический вестник Югории. – 2005. – Т. II. – № 2. – С. 64–81.
5. Филатова О. Е., Еськов В. М., Зуевская Т. В. Норма и патология состояния функциональных систем человека на фазовой плоскости // Научные труды I съезда физиологов СНГ. – М. : Медицина, 2005. – С. 41.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

**С. А. Назарова, старший преподаватель
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия**

Summary. This paper presents the problem of gender representations of the individual. The purpose of this paper is the analysis of the features of gender representations of modern Russian youth. It was made percentage analysis of components of gender representations – notions of personality qualities, behavioral style, the ability of men and women, features of roles in the family, work content and priorities in life.

Keywords: gender representations.

Задача изучения гендерных представлений личности представляет собой актуальную и значимую для психологической

науки и практики проблему. Это обусловлено изменениями взглядов общества на многие стороны человеческой жизнедеятельности.

Гендерные представления исследовались нами как система суждений личности о гендере, которые формируются в процессе гендерной социализации в конкретных исторических и социокультурных условиях, являются одним из компонентов гендерной идентичности и регулируют систему гендерных отношений человека [1; 2; 3].

Целью эмпирического исследования был анализ особенностей гендерных представлений современной молодежи. Выборку исследования составили 61 студент Марийского государственного университета (35 девушек и 25 юношей).

Гендерные представления изучались с помощью следующих методик: опросник «Что я думаю о «женском» и «мужском» в воспитании?» (Л. В. Штылева, Е. Б. Петрушихина), анкета «Гендерные характеристики личности» (И. С. Клецина), методика на определение особенностей распределения ролей в семье (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) [2].

Особенности гендерных представлений молодежи анализировались исходя из отдельных компонентов гендерных представлений – представлений о качествах личности, стиле поведения, способностях мужчин и женщин, особенностях распределения ролей в семье, содержания труда и жизненных приоритетов.

Дадим характеристику каждому из компонентов:

1. Представления о качествах личности.

Юноши при характеристике типично женских качеств в первую очередь обращают внимание на эмоциональные черты личности, интеллектуальные качества и привлекательность женщины. Портрет «настоящей женщины», увиденный глазами юношей, состоит из следующих характеристик: добрая, чувствительная, привлекательная, умная, хозяйственная, любящая единственного мужчину. Девушки, описывая качества личности «настоящей женщины», называли такие традиционные качества, как эмоциональность, чувствительность и качества, характеризующие женщину как «хорошую жену и мать», а также дополняли «портрет» интеллектуальными качествами и успешностью не только дома, но и на работе.

Портрет «настоящего мужчины», по мнению российских юношей, состоит из следующих качеств: сила воли, неэмоциональность, целеустремленность, ум, честь и физическая сила. Девушки при характеристике типично мужских качеств указывали

силу воли, целеустремленность, трудолюбие, физическую силу, развитый интеллект, а также доброту, понимание и заботу.

2. Стиль поведения.

Достаточно большое количество студентов – 40 % – на вопрос об особенностях поведения мужчин и женщин ответили, что «разницы в поведении нет», «зависит от воспитания и характера». Остальные ответы были достаточно однотипны и стереотипны.

Юноши, характеризуя женское поведение, указывают на руководство в поведении эмоциями («более эмоциональные», «вспыльчивые», «непредсказуемы» и др.). А также они выбирали такие характеристики типично женского стиля поведения, как уступчивость и зависимость. Девушки также указывали, что женщины в своем поведении «эмоциональны», «ранимы» и «мягки», также «более спокойны и сдержанны», «тактичны». Выбирали такие характеристики, как уступчивость, зависимость и склонность к порядку.

Поведение мужчин юноши чаще всего описывают в следующих формулировках: «более агрессивные», «импульсивны», «прямолинейны», при этом «более рассудительные». Характеризовали мужской стиль поведения властностью и склонностью к лидерству. Типичными описаниями девушек мужского поведения были такие формулировки: «агрессивные», «сдержанные», «немного грубоваты», «более активные».

3. Способности.

На вопрос «Существует ли разница между мужчинами и женщинами в психическом развитии?» юноши и девушки достаточно часто (44 и 40 % респондентов соответственно) отвечали отрицательно («нет», «примерно одинаково», «зависит от воспитания и социального окружения»).

При описании различий юноши акцентировали свое внимание преимущественно на особенностях женского и мужского мышления. Указывали следующие особенности: у женщин «нет мышления», «легкомысленные», «развито интуитивное мышление»; у мужчин «более развитое мышление», «логически выстроенное», «аналитический ум».

Девушки у женщин выделили развитое внимание («внимание хорошее», «внимательны к мелочам», «могут делать несколько дел одновременно») и речь («речь лучше развита», «речь богаче»). Говоря о способностях мужчин, девушки делали акцент на специфике мышления («хорошо развита логика», «быстро принимают решения»).

4. Распределение ролей в семье.

Юноши придерживаются в основном эгалитарных взглядов на распределение ролей в семье – считают, что все семейные роли необходимо выполнять супругам вместе. Исключение представляет роль материального обеспечения семьи – ее, по мнению российских юношей, обязан брать на себя муж.

Девушки также считают, что большинство ролей в семье должны выполнять оба супруга приблизительно в равной степени. Принципиально мужской ролью называют роль «добытчика» и роль сексуального партнера, а для женщины предписывают роль поддержания эмоционального климата в семье.

5. Содержание труда и характер выполняемой деятельности.

Юноши и девушки достаточно часто отвечали, что по настоящему «мужских» и «женских» профессий не существуют (32 и 37% респондентов соответственно).

Типично женскими юноши называли профессии сферы сервиса и педагогические профессии. Наиболее часто юноши женскими называли такие профессии, как воспитатель, няня, продавец, уборщица и секретарь. Перечисляя мужские профессии, юноши чаще всего указывали профессии технические и транспортные. Говоря о формулировках, чаще других юноши писали такие профессии, как военный, водитель, полицейский, плотник, слесарь, строитель, электрик.

Девушки, говоря о женских профессиях, указывали преимущественно сферу педагогики и сферу сервиса. Чаще других женскими называли такие профессии, как воспитатель детского сада, няня, медсестра, продавец, швея. Мужскими чаще всего называли технические профессии. В выборке девушек популярными ответами на этот вопрос были такие профессии, как грузчик, строитель, а также такая формулировка: «всё, что связано с физическим трудом».

Можно сказать, что помимо направленности труда, характеристиками мужских профессий в противоположность женским являются необходимость физической силы, неограниченность пространства, элемент власти, их престижность.

6. Жизненные приоритеты, достижения и общий статус в обществе.

Представления юношей о «женском счастье» достаточно простые и стереотипные, большинство респондентов считают, что оно заключается в следующем: «удачно выйти замуж», «крепкая семья», «любящий и любимый муж», «родить и воспитать детей».

Большинство девушек также считают, что «женское счастье» – это, прежде всего, «полноценная семья (любимый муж и дети)». Также значимыми для счастья женщины девушки называют профессиональную самореализацию («любимая работа», «которая приносит удовольствие и моральное удовлетворение», «карьерный рост», «самореализация во всех сферах жизни») и определенное психологическое состояние («все устраивает», «нет проблем и забот», «без терзающих душу напряжения и сомнений»).

Для юношей понятие «мужское счастье» включает в себя успехи в личной жизни («крепкая семья», «любящая и любимая жена», «куча детей», «сын» или просто «любимая девушка», «ради которой стоит безумствовать») и успешность в обществе («добиться успехов в карьере», «самореализация», «авторитет»). Девушки мужское счастье представляют следующим образом: во-первых, это «счастливая семья (любимая жена, дети и хорошая теща)», во-вторых – работа («высокооплачиваемая работа», «нахождение своего места в обществе»), в-третьих – друзья и хобби («верные друзья», «отдых», «увлечения», «футбол», «рыбалка»).

Ответы юношей по поводу соотношения семейных и профессиональных ролей несколько противоречивы. С одной стороны, они утверждают, что «женщинам следует меньше беспокоиться о своих правах и больше думать о том, чтобы быть хорошими женами и матерями», что «самое главное для женщины – это семейная жизнь», а «за успехи в политике и общественной деятельности женщины неизбежно расплачивается изъянами характера и неудачами в личной жизни». С другой стороны, допускают, что «работа, профессиональный успех для женщины важны не меньше, чем для мужчин». Девушки в этом вопросе придерживаются эгалитарных взглядов.

Таким образом, анализ особенностей гендерных представлений современной российской молодежи позволяет сделать следующие выводы:

1. Гендерные представления российской молодежи являются достаточно эгалитарными: респонденты часто использовали при ответе такие варианты, как «различия зависят в большей степени от особенностей воспитания», «у каждого свое понимание» и т. п. Также представления студентов можно назвать достаточно обобщенными, однотипными, поверхностными.

2. Представления девушек являются более эгалитарными, особенно в сфере профессиональной самореализации женщин, что соответствует современным тенденциям развития общества.

3. Более значимыми (вывод сделан на основе количества и качества ответов) для молодежи являются такие компоненты гендерных представлений, как качества личности, распределение ролей в семье, достижения и общий статус в обществе.

Библиографический список

1. Вещева Н. С. Гендерные стереотипы и гендерные представления // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Пенза – Ереван – Прага : ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – № 3.
2. Гендерная психология. Практикум / под ред. И. С. Клециной. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2009.
3. Гусева Ю. Е. Влияние социально-исторических изменений в обществе на трансформацию гендерных представлений в популярной прессе : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2007.

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

**Н. Т. Варданян, магистр психологии
Российско-Армянский (Славянский) государственный
университет, г. Ереван, Армения**

Summary. Study of gender aspects of professional orientations in the group of students has shown that the gender identity influences person's professional orientation. Research was held among 200 students and has shown that students with different gender identity have different professional interests and professional orientations.

Keywords: gender; profession; identity; professional orientations; gender identity.

В современном обществе в значительной степени изменились критерии экономической эффективности личности – фактора, определяющего социальный статус человека. Такой фактор как образовательный ценз, который обуславливал прежде неравенство возможностей и обеспечивал мужское доминирование в прошлом, перестал существовать и ограничивать женщин в возможности получения образования и профессиональной самореализации. Сегодня мужчины и женщины свободны при выборе профессии и можно сказать, что предпосылки для успеха стали более равными. Это привело к постепенному выравниванию количества успешных мужчин и женщин

в различных профессиональных сферах. Однако следует отметить, что, несмотря на развитие общества и активное участие женщин в производственной деятельности, мужчины и женщины всё ещё не равнозначно представлены в различных профессиональных сферах и в обществе, всё ещё бытует представление о «мужских» и «женских» профессиях. Зачастую при изучении гендерных особенностей профессиональной направленности и различий в степени представленности мужчин и женщин в различных профессиональных сферах исследователи обращаются к изучению различий в способностях мужчин и женщин. Мы же в нашей работе обращаемся к изучению возможных психологических причин этих различий и связи гендера и профессиональной направленности. В условиях гуманизации образовательной системы в Армении изучение гендерных особенностей профессиональной направленности личности студентов представляется нам важным и актуальным. Учебная среда, наполненная гендерным содержанием, создаёт предпосылки для воспитания гендерной культуры и толерантности как необходимых источников расширения ценностной картины мира студентов [2]. В нашей исследовательской работе мы хотели выявить связь между гендерной идентичностью и профессиональной направленностью студентов.

В проведённом нами исследовании приняли участие 200 студентов Российско-Армянского (Славянского) Университета (100 юношей и 100 девушек) первых и третьих курсов факультета прикладной математики, физико-технического факультета, факультета лингвистики, журналистики и экономики. Для выявления гендерной идентичности участников с ними была проведена методика «полоролевой опросник» С. Бем, а для выявления особенностей профессиональной направленности – методика дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е. А. Климова.

В результате проведения полоролевого опросника С. Бем среди испытуемых были выявлены три группы – андрогинная, фемининная и маскулиная. В андрогинную группу вошло 160 участников – 78 мужчин и 82 женщины, в фемининную группу вошло 18 участников – 18 женщин и, наконец, в маскулиную группу вошло 22 участника – 22 мужчины. Мы видим очевидное доминирование участников обоих полов, у которых выявилась андрогинная гендерная идентичность и сравнительно небольшое количество женщин с фемининной идентичностью

и мужчин с маскулинной гендерной идентичностью. Преобладание андрогинной гендерной идентичности указывает на то, что большинство участников обладают как традиционно мужскими, так и традиционно женскими качествами. Сама Сандра Бем отмечала, что удачная комбинация этих качеств является залогом более высокого уровня социально-психологической адаптации. Хочется также отметить, что из 22 участников маскулинной группы 20 были студентами факультета прикладной математики и физико-технического факультета, что может указывать на то, что гендерная идентичность и профессиональный выбор взаимообусловлены, и участники с традиционно маскулинными качествами выбирают профессии, которые традиционно считаются мужскими. Что касается фемининной группы, то в неё вошли участницы всех факультетов, кроме физико-технического, что также может быть обусловлено связью гендерной идентичности с выбором профессии. Небольшое количество участников с фемининным и маскулинным типами гендерной идентичности указывает на изменения представлений молодёжи о гендерных ролях. Это, конечно, не означает, что участники исследования не маскулинны или не фемининны. Мы видим, что они более склонны к сочетанию мужских и женских качеств, что является наиболее оптимальным вариантом гендерной идентичности. Получив такие результаты, мы решили более подробно рассмотреть полученные нами данные и понять степень выраженности андрогинности у участников, вошедших в андрогинную группу. Проведя более глубокий анализ, мы разделили всех представителей андрогинной группы на участников с сильно выраженной андрогинией и слабо выраженной андрогинией, в зависимости от степени, в которой сочетаются маскулинные, фемининные и нейтральные качества в их ответах. В результате такого разделения выявились следующие результаты – в группу с сильно выраженной андрогинией вошло 123 участника (59 мужчин, 64 женщины), а группу со слабо выраженной андрогинией вошло 37 участников (19 мужчин, 18 женщин). Итак, в результате данного этапа исследования мы разделили участников на четыре группы: группу с сильно выраженной андрогинией, группу со слабо выраженной андрогинией, фемининную группу и маскулинную группу. Далее мы будем сравнивать данные группы между собой для выявления взаимосвязи между гендерной идентичностью и профессиональной направленностью.

Рассмотрим теперь результаты дифференциально-диагностического опросника Е. А. Климова. Начнём с рассмотрения представителей группы с сильно выраженной андрогинией. Здесь, согласно ответам участников, преобладала направленность на профессии типа «человек – человек» (38 %), то есть для участников данной группы наиболее важно и интересно общение и взаимодействие с людьми, что подтверждает представление о высокой адаптивности и коммуникативности людей с андрогинным типом гендерной идентичности. На втором месте – направленность на профессии типа «человек – художественный образ» (37 %). Следовательно, практически равнозначно важным аспектом для представителей данной группы является творческий подход и направленность на творческие специальности. На третьем месте в данной группе – направленность на профессии типа «человек – техника» (14 %), на четвёртом месте – на профессии типа «человек – знак» (7 %), то есть технические объекты и цифровые и буквенные знаки интересуют представителей данной группы гораздо меньше. На пятом месте – направленность на профессии типа «человек – природа» (4 %), что указывает на то, что в данной группе профессии, связанные с растениеводством, животноводством и лесным хозяйством наименее популярны. Обратимся к результатам группы со слабо выраженной андрогинией. В данной группе наиболее часто наблюдается направленность на профессии типа «человек – человек» (30 %), так же как и в группе с сильно выраженной андрогинией. На втором месте – направленность на профессии типа «человек – художественный образ» (24 %). Здесь также мы видим совпадение с предыдущей группой. На третьем месте – направленность на профессии типа «человек – знак» (22 %), на четвёртом месте – направленность на профессии типа «человек – техника» (19 %) и, наконец, на пятом месте – направленность на профессии типа «человек – природа» (5 %). То есть на данном этапе исследования результаты групп с сильно выраженной и со слабо выраженной андрогинией полностью совпадают. То есть можно сказать, что дифференциация по группам выраженности андрогинности незначима для исследования данной проблемы и акцент следует делать на различия между андрогинной, фемининной и маскулинной гендерной идентичностью. Рассмотрим результаты фемининной группы. Здесь наиболее часто наблюдается направленность на профессии типа «человек –художественный образ» (56 %), то есть участники более всего направлены на явления и факты художественного

отображения действительности. На втором месте – направленность на профессии типа «человек – человек» (44 %), которые подразумевают общение с людьми как основной аспект профессиональной деятельности. В данной группе у участников не наблюдается направленность на профессии типа «человек – природа», «человек – техника» и «человек – знак». Данные результаты указывают на то, что участницы с фемининной гендерной идентичностью в нашем исследовании не проявляют направленность на точные профессии, что может быть связано с влиянием стереотипов на их профессиональную направленность. Их больше интересует человеческое общение и взаимодействие. Обратимся к результатам маскулинной группы. В данной группе на первом месте направленность на профессии типа «человек – знак» (50 %), то есть их более всего интересуют естественные и искусственные языки, условные знаки, символы, цифры, формулы. На втором месте – направленность на профессии типа «человек – техника» (41 %), то есть все технические профессии. В данной сфере работники имеют дело с неживыми, техническими объектами труда. На третьем месте – направленность на профессии типа «человек – природа» и «человек – человек» (5 %). Направленность на профессии типа «человек – художественный образ» в данной группе не наблюдается. Мы видим, что в отличие от группы с фемининной гендерной идентичностью участники с маскулинной гендерной идентичностью направлены на точные и технические науки. В то же время практически не наблюдается направленность на межличностное общение и творческий аспект профессиональной деятельности. Для анализа данных и выявления связи между гендерной идентичностью и профессиональной направленностью нами был использован хи-квадрат тест. Однако при исследовании взаимосвязи между данными параметрами ожидаемые частоты оказались ниже рекомендованного уровня. Исходя из этого, был проведён расчёт с использованием неасимптотического метода Monte-Carlo. Проведённое исследование для переменных гендерной идентичности и профессиональной направленности показало, что между этими переменными для данной выборки существует значимая связь. Была оценена мера связи по критерию Cramer's V, которая составляет 0,321.

Как мы видим, у участников с маскулинной идентичностью преобладала направленность на точные, технические профессии и практически не наблюдалась направленность на профес-

сии, связанные с общением с людьми и творческие профессии. То есть именно мужчины с маскулинной гендерной идентичностью проявляют направленность на традиционно мужские профессии, что можно объяснить желанием соответствовать стереотипам и традициям, принятым в обществе. С другой стороны, у участниц с фемининной гендерной идентичностью выявилась направленность лишь на творческие профессии и профессии, которые требуют постоянного общения с людьми, и не выявилась направленность на технические профессии и профессии, связанные с цифровыми знаками и подсчётами. Исследователи отмечают, что именно индивиды с ярко выраженной фемининной или маскулинной гендерной идентичностью больше подвержены гендерным стереотипам и строже следуют им [1]. Данное мнение подтверждается в результатах нашего исследования. То есть мы видим, что гендерная идентичность влияет на выбор профессии и на профессиональную направленность, а именно, у участников с маскулинной гендерной идентичностью чаще проявляется направленность на традиционно мужские профессии, а у участниц с фемининной гендерной идентичностью – на профессии, считающиеся традиционно женскими. Эти данные подтверждают стереотип о том, что женщины в своей профессиональной деятельности проявляют большую направленность на взаимодействие, а мужчины – на решение задачи. С одной оговоркой: в нашем исследовании это относится к маскулинным мужчинам и фемининным женщинам. Итак, подытоживая, можно сказать, что в нашем исследовании выявилась связь между гендерной идентичностью и профессиональной направленностью, что выбор профессии зависит не только от способностей, но и от гендерной идентичности и гендерных ролей, принятых в обществе.

Библиографический список

1. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М. : РОССПЭН, 2004. – 336 с.
2. Берберян А. С. Значение этнопсихологического и гендерного факторов для формирования культуры межнационального взаимодействия студентов в условиях интеграции в мировую систему образования. Теория и практика гендерных исследований в мировой науке : материалы международной научно-практической конференции. – Пенза-Ереван-Прага, 2010. – С. 122–137.
3. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
4. Воронцов Д. В. Гендерная психология общения. – Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2008.

АНКЕТА КАК МЕТОД И РЕСУРС ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И САМОРАЗВИТИЯ МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ В БОКСЕ

Е. Л. Гусева, методист;

Ю. А. Романов, директор спортивного клуба «Ринг»;

О. А. Козырева, кандидат педагогических наук, доцент

ДОД ДЮСШ № 2, спортивный клуб «Ринг»;

Кузбасская государственная педагогическая академия,

г. Новокузнецк, Россия

Summary. The article describes the specificity of surveys of learners engaged in boxing. The questionnaire allows to define the features of self-realization and self-development of students engaged in boxing.

Keywords: socialization; self-realization; education; self-development.

Популярность анкет в исследовании субъектной позиции обучающихся известна давно. В нашей работе мы уточним понятия «самореализация», «саморазвитие» и представим анкету боксёра, фасилитирующую изучение качества и особенностей самореализации и саморазвития мальчиков-подростков в боксе.

Под самореализацией в боксе будем понимать самостоятельный поиск способов и средств продуцирования результатов, прямо и косвенно связанных с боксом, где личность боксёра определяет путь и направления в соответствии со спецификой нормального распределения способностей и особенностями субъектно-средовых противоречий.

Под саморазвитием в боксе будем понимать механизм и процесс верификации истинности и качества личных достижений в боксе.

Перечислим вопросы анкеты, фасилитирующей процесс изучения самореализации и саморазвития мальчика-подростка в боксе:

- Как получилось, что Вы начали заниматься боксом?
- Кто Вас тренирует и тренировал ранее?
- Бокс – это единственный вид спорта, которым Вы занимаетесь и занимаетесь? Или были ещё другие виды спорта?
- Какие увлечения (хобби) у Вас есть?
- Что Вас привлекает в боксе?
- Как давно Вы начали заниматься боксом?
- Как часто Вы тренируетесь?
- Какие успехи у Вас есть в боксе?
- Какими предметами в школе Вы интересуетесь?

– Какие предметы школьной программы вызывают сложности или неприязнь?

– Как Вы видите своё будущее в боксе? Бокс будет Вашей профессией или только увлечением?

– Где Вы планируете учиться после окончания школы?

– В каких профессиях знания бокса и подготовка могут помочь?

– Поясните правила проведения соревнования по боксу.

– Что Вы знаете об истории бокса?

– Какие перспективы Вы ставите на тренировках?

– Что Вы знаете о портфолио?

– Вы участвовали в научной или научно-исследовательской работе?

– Как Вы считаете, занятие спортом (боксом) можно продуктивно сочетать с учёбой?

– Посоветовали бы Вы своим друзьям заниматься боксом? Почему?

– Попытайтесь по годам Вашей жизни проследить Ваши достижения.

Статистический анализ данных анкетирования и теоретико-эмпирические основы детализации педагогических условий самореализации и саморазвития мальчика-подростка, занимающегося боксом, мы рассмотрим в следующих работах.

Библиографический список

1. Гвоздев Л. И. Специфика и возможности самореализации и самосовершенствования в боксе / Л. И. Гвоздев, Ю. А. Романов, О. А. Козырева. Актуальные задачи педагогики (IV) : матер. Междун. науч. конфер. (г. Чита, октябрь 2013 г.). – Чита : Молодой учёный, 2013. – С. 75–77.

II. GENDER ASPECTS OF SOCIETY AND CULTURE

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАРЬЕРЫ СОТРУДНИКА В ОРГАНИЗАЦИИ

Е. Г. Бегинина, студент 3 курса
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г. Томск, Россия

Summary. This article deals with the problem of the impact of the gender on the formation and development of an employee's career. Special attention is given to the analysis of contexts. The author considers that it is necessary to examine this issue in these contexts.

Keywords: career; gender; employee; organization.

Как правило, когда говорят о системе управления персоналом, подразумевают мотивацию и стимулирование, адаптацию, оценку персонала, развитие персонала в ключе обучения, но забывают о важном моменте – планировании и развитии карьеры сотрудника.

Современные научные теории определяют карьеру как эффективный социально-организационный процесс, имеющий свои закономерности, «подводные камни», то есть свою методику осуществления. От того, правильно ли выбран и насколько адекватно реализован карьерный путь, зависит удовлетворенность работника своей трудовой судьбой и жизнью и, соответственно, его общественная и трудовая отдача, что прямо влияет на эффективность деятельности организаций.

Планирование карьеры начинается сразу при поступлении на работу. Отвечая на поставленные менеджером по персоналу вопросы, работник получает представление о выдвижаемых компанией требованиях; в свою очередь соискатель задает вопросы, в которых формулирует свои пожелания в отношении будущей работы. На основании этих данных кадровый специалист делает прогноз в отношении карьеры соискателя, но зачастую во внимание не берут особенности гендера сотрудника.

Хотя именно этот аспект может стать решающим, ведь «в планировании собственной карьеры женщины чаще ориентированы

на текущее положение дел, нежели на перспективу развития, да и в ходе профессиональной адаптации у женщин на первый план выходит социально-психологический аспект, тогда как у мужчин – профессионально-деятельностный» [1].

Исследователями гендерных факторов трудового поведения установлено, что в «сфере карьеры различия мужского и женского образов действия характеризуются неравенством возможностей. Гендерное пространство определяет карьерные притязания и стратегии их реализации. На модели трудового поведения оказывают влияние устойчивые стереотипы мужской и женской карьеры. При этом представления о женской карьере формируются, как правило, в сравнении с мужской карьерой, противопоставлении карьеры и личной жизни, семьи» [2]. Это значит, что направление работы по управлению и развитию карьеры сотрудника будет зависеть не только от профессиональных качеств самого сотрудника и итогов его аттестации, но и от гендерных особенностей.

Следует отметить, что актуальность данного исследования может быть рассмотрена в нескольких контекстах. В первую очередь, это контекст типа организации. Как известно, организации механистического типа вообще склонны к порождению стереотипов, поскольку жесткая иерархия и недостаточная прозрачность системы провоцирует сотрудников оценивать ситуацию субъективно. В том числе и развитие карьеры того или иного сотрудника в зависимости от его пола может быть оценено неадекватно (девушку могут даже не рассматривать как действительно хорошего специалиста, обоснованно получившего повышение).

Также на развитие карьеры сотрудника определенного пола оказывает влияние отрасль, в которой работает организация. Существуют как заведомо «мужские» отрасли (нефтегазовая отрасль, металлургическая, машиностроение), так и заведомо «женские» (образование, легкая промышленность, банковская сфера). Это накладывает отпечаток как на восприятие работы самими сотрудниками, так и на «имидж», создаваемый человеком. Например, большое удивление вызывают мужчина-учитель и женщина-водитель.

Сами сотрудники выбирают работу, которая будет соответствовать их ценностям и удовлетворять запросам. Таким образом, формируется и третий контекст данного исследования – контекст ценностей. Далеко не каждая женщина согласится работать сверхурочно ради того, чтобы продвинуться по карьерной лестнице, так же как и редкий мужчина согласится работать там, где ему нравится, но развитие осложнено или невозможно.

Организация должна учитывать все эти контексты, когда мотивирует того или иного сотрудника карьерным развитием, ведь может получиться обратный эффект – разочарование своей работой в связи с тем, что сотрудник не получает новых позиций, рассмотрев это как недостаточное признание или несоответствие себя данной должности. Это негативно скажется как на производительности труда, так и на имидже компании.

Библиографический список

1. Карьера сотрудника в организации : методические указания к проведению занятий по дисциплине «Управление персоналом» / сост. Ю. Н. Лачугина. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 74 с.
2. Гендерный аспект управления : реферат по психологии. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-193632.html>.

ВЗГЛЯД НА ОБРАЗ РУКОВОДИТЕЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

**Н. С. Соловьева, кандидат филологических наук, доцент
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск,
Челябинская область, Россия**

Summary. The article deals with a stereotype image of a leader reflected in Russian and English phraseological units. The study of phraseological units reveals a negative attitude towards a female head in both languages as any head is believed to be male.

Keywords: gender stereotype; language world image; phraseological unit; social role; male/female head.

Междисциплинарный характер гендерных исследований, привлекающий знания из разных отраслей гуманитарных наук, позволяет по-новому взглянуть на некоторые проблемы и во многом способствует оригинальному решению хорошо известных вопросов. В частности, междисциплинарного подхода, как представляется, требуют вопросы, связанные с гендерными стереотипами (далее ГС).

ГС, определяемые как «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [2, с. 98], вызывают интерес исследователей различных сфер гуманитарных наук. Не стала исключением и лингвистика.

Как всякие стереотипы, ГС образуются в результате процесса стереотипизации – способа познания объективной реальности. Первоначально стереотипы представляют собой ментальные образования, некие фиксированные «ментальные картинки» в сознании индивида [3, с. 177–178]. Затем ГС объективируются в различных семиотических системах. Стереотипы могут фиксироваться как языком, так и иным семиотическим кодом (кинесикой, зрительными образами и т. п.) [8, с. 19]. Однако языку в процессе объективации отводится особая роль, поскольку язык является не только средством объективации стереотипов, но и выступает в качестве инструмента, их воспроизводящего [4, с. 238].

Объективированные в языке стереотипы вербализируются в единицах языка, становясь важной частью языковой картины мира любого национального языка. Именно такие вербализированные в единицах языка ГС и являются предметом изучения в лингвистике.

За любой единицей языка стоит стереотип или стереотипный образ [3, с. 178], поэтому исследование языковых единиц позволяет определить степень распространённости и известности ГС в обществе в целом или в определённой социальной группе, если мы обращаемся к социально маркированным языковым единицам. Наиболее актуальные для общества ГС имеют большую номинативную плотность, т. е. они вербализируются большим количеством языковых единиц. Исчезновение или устаревание единиц языка, отражающих определённые ГС, свидетельствует об утрате актуальности этих стереотипов на определённом этапе развития общества. Таким образом, исследование единиц языка позволяет проследивать движение, трансформацию или даже исчезновение ГС в языковой картине мира, а значит, и в обществе, говорящем на данном языке.

Исследование вербализированных стереотипов, также позволяет определить ценностные приоритеты общества, в котором они распространены. Оценивание того, что происходит в мире, есть неотъемлемый атрибут человеческой деятельности, поэтому объекты познания всегда получают оценку со стороны познающего субъекта [5, с. 181]. В связи с этим зафиксированные в единицах языка ГС всегда содержат оценку.

ГС пронизывают все сферы человеческого общества, затрагивая как личностные качества, так и социальные роли представителей обоих полов. Традиционно женские роли в обществе ограничиваются домом и семьёй. Деятельность мужчины, напротив, связывается с публичной сферой, с активным участием в жизни

общества. Активная роль мужчины определяет стереотипный набор мужских ролей, инвариантный для любой культуры, важное место среди которых отводится роли «повелителя» [6, с. 46].

Однако в современном обществе постепенно происходит переосмысление стереотипного набора мужских и женских ролей. В конце XX начале XXI вв. женщины стали социально активнее, что в свою очередь отразилось на увеличении числа женщин-руководителей. В этой связи, прибегая к исследованию единиц языка, представляется интересным рассмотреть, кто видится в образе руководителя, как меняется образ руководителя во времени, и какую оценку в языковой картине мира получают представители обоих полов, наделённые властью.

Для получения более достоверных результатов представляется необходимым также провести сопоставительное исследование языковых единиц двух языков: русского и английского, тем более что в англоязычных странах широко развёрнута компания по защите прав женщин.

Стереотипы реализуются на всех уровнях языка, но наиболее ярко аксиологическая природа ГС проявляется во фразеологических единицах языка (далее ФЕ). Фразеологический фонд интересен в качестве материала для исследования ещё и потому, что ФЕ, в их широком понимании, представляя собой лексически неделимые, устойчивые в своём составе и структуре, целостные по значению словосочетания или предложения, являются наиболее чувствительными областями языка. В них быстрее всего (даже в пределах одного и того же поколения) обнаруживается результат социально-экономических изменений, происходящих в обществе [4, с. 208].

Итак, на примере русских и английских ФЕ рассмотрим, кого же видят в образе руководителя представители русскоязычного и англоязычного обществ.

Для исследования данного вопроса из лексикографических источников русского и английского языков было отобрано 130 ФЕ с гендерно значимой информацией (67 английских и 63 русских ФЕ), относящихся к различным временным периодам начиная с XVI по XXI в. Они входят в литературный фонд языка и имеют социальную маркированность.

Проведённое исследование показало, что референтами английских и русских ФЕ, обозначающих представителей верховной политической власти, начальников, а также лиц, занимающих главенствующие посты, являются мужчины: *The king can do no wrong*: «короли не ошибаются», т. е. высокопоставленному лицу

всё сходит с рук, начальству все дозволенно; *favorite son* (амер.) – любимец штата, регулярный политический деятель, выдвигаемый в президенты; *cock of the roost /cock of the walk* – важная персона, местный заправила; хозяин положения; *the man higher up* – «политический босс; воротила, заправила, туз»; *old man* – any chief, captain, employer, prison governor, headmaster, ets. coll. *Все во власти божьей да государевой; уездный князь* – начальник-самодур; *умный мамонт* (арест. шутил.-ирон.) – авторитетный начальник ИТУ; *Дядька Черномор* – руководитель, наставник, которому приписываются опыт, воинственность, готовность дать отпор, амбиции победителя.

Таким образом, фразеологические фонды обоих языков демонстрируют андроцентризм власти. Это свидетельствует о распространённости и в русскоязычном, и в англоязычном обществах стереотипа, что представителем власти является мужчина. Следует, однако, отметить, что фразеологический фонд русского языка в сравнении с английским демонстрирует более высокую степень андроцентризма власти. Так, в пословицах русского языка, которые составляют наиболее древний пласт фразеологического фонда, власть представлена в лице безличного представителя – *царя*. Исторические факты пребывания женщин на русском престоле во фразеологическом фонде русского языка не нашли своего отражение.

В той части фразеологического фонда, который фиксирует картину мира советского периода, власть также представляют мужчины, но уже конкретные исторические лица: *вождь мирового пролетариата* (патет.) – В. И. Ленин; *отец народов* (патет.) – В. И. Сталин; *рыцарь революции* (патет.) – Ф. Э. Дзержинский, сов. гос. и пол. деятели, председатели ВЧК, наркомы внутренних дел.

Андроцентризм власти во фразеологической картине мира, как советского периода, так и настоящего времени, проявляется также в употреблении имён существительных мужского рода *брат, отец, хозяин, дядя* для обозначения властных и доминирующих структур: *старший брат* – о русском народе по отношению к другим народам СССР; *отец всех народов* – о И. В. Сталине; *быть у хозяина* (лаг. эвфем.) – быть в заключении, *работать на дядю* – работать по найму, имея вышестоящего начальника.

ФЕ, обозначающих женщин-руководителей, в русском фразеологическом фонде немного, при этом женщина-руководитель по данным языка вызывает иронию: *хозяйка мохнатого котлована* (шутил.-ирон.) – начальник женского ИТУ; *товарищая хромосома* – женщина-руководитель.

Присутствие в русском фразеологическом фонде ироничного отношения к женщине-руководителю, очевидно, является следствием устойчивого и широко распространённого в российском обществе стереотипа о том, что женщина не может быть руководителем, т. к. её удел – семья [7].

По данным английского фразеологического фонда, представителем верховной власти помимо мужчины может быть и женщина – *queen*. Конечно, ФЕ с компонентом *king* количественно больше, чем ФЕ с компонентом *queen*. Более того, практически все ФЕ с компонентом *queen* (в значении «женщина – правитель независимого государства») имеют дублиеты с компонентом *king*: *to the king's / queen's tast* – «perfectly; just as anyone could want it»; *the king's / queen's peace* – «общественный порядок, спокойствие, тишина» (АРФС); *the king's / queen's weather* – «чудесная погода»; *draw the king's / queen's / president's picture* – «to counterfeit banknotes».

Тем не менее, сам факт существования ФЕ с компонентом *queen* указывает на то, что в качестве верховного представителя власти может выступать не только мужчина, но и женщина. Очевидно, что на формирование образа правителя в англоязычном обществе, повлияли исторические факты. Во времена правления английских королей Великобритании становилась одной из самых влиятельных стран мира.

Присутствие женщины в высших структурах политической власти зафиксировано ещё в одной ФЕ английского языка: *Iron Lady*. Эта ФЕ имеет в качестве прототипа конкретного исторического деятеля, экс премьер-министра Великобритании, Маргарет Тэтчер, прославившуюся негибкостью своих убеждений.

В целом, английских ФЕ, обозначающих женщин-руководителей в нашей выборке всё же значительно меньше, чем ФЕ, обозначающих мужчин-руководителей. И отношение к женщинам, стоящих у власти, как и в русской языковой картине мира, как правило, ироничное или даже неодобрительное: *boss lady* – «командир, начальник-женщина»; *petticoat government* – «бабье царство, женское засилье»; *pussy politics* – (sl) власть женщин, матриархат.

Подведём итоги. И в русском и в английском языках руководитель всех рангов ассоциируется с образом мужчины. При этом в русском языке власть имеет ярко выраженный андроцентричный характер. В целом можно отметить, что, несмотря на то, что женщины и в русскоязычном и англоязычном

обществах всё чаще занимают руководящие должности, отношение к женщинам во властных структурах по данным языкового материала иронично-негативное. Конечно, языковая картина мира в силу своей природы фиксирует изменения, происходящие в обществе, всегда с опозданием. Тем не менее, исследование ФЕ обоих языков показало устойчивость и стабильность стереотипа о том, что представителем власти является, прежде всего, мужчина.

Библиографический список

1. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М. : Гнозис, 2005.
2. Кирилина А. В. Гендерные стереотипы, речевое общение и деловая лексика // Имидж женщины-лидера. – Иваново, 1998. – С. 65–85.
3. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002.
4. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. – М. : Наука, 1968.
5. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996.
6. Ушакин С. Человек рода «он» : футляры мужественности // Вопр. философии. – 2005. – № 7. – С. 34–56.
7. Шмелева Е. Женская доля 9 % // РГ-Бизнес. – 2010. – № 769 (от 28 сентября). – URL: <http://www.rg.ru/2010/09/28/biznes-ledi.html>.
8. Щепанская Т. Б. Женщина, группа, символ (на материале молодёжной субкультуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб. : Наука, 1991. – С. 17–29.

ЖЕНЩИНЫ И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

**А. А. Богданова, кандидат педагогических наук, доцент
Стерлитамакский филиал Башкирского
государственного университета, г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан, Россия**

Summary. The article is devoted to the role of women in the Russian history of the XVIII century. On the basis of a gender approach the author characterizes the relationship of women and power in the history. A brilliant experience of Ekaterina's reign rejects the common idea of the inability of women to govern the state.

Keywords: gender approach; women; power.

В традиционном обществе женщины выполняли функции хранительницы очага, роль жены, матери, дочери, сестры, будучи всегда безмолвной тенью стоящего рядом с ним более

сильного мужчины. Это обусловило умаление роли женщин в историческом процессе, их нет в родословных, они выпали из правовых кодексов.

Е. Анисимов [1] справедливо указывает на поразительный парадокс: в российской истории XVIII, когда в стране повсеместно господствуют нормы Домостроя с XVI в., общество однозначно трактует женщину как существо второго сорта. А у верховной власти могущественнейшей империи на протяжении почти 75 лет непрерывно находятся женщины, причем из самой низшей, наиболее бесправной «касты»: вдовицы (Екатерина I, Анна Иоанновна, Екатерина II) и девица (Елизавета Петровна). Хотя с давних пор эта «каста» считалась как бы переходной – им надлежало либо выходить замуж, либо идти в монастырь.

Безусловно, в женском ряду правительниц наиболее значительной является фигура Екатерины II, оставившей яркий след в отечественной истории и завершившей «женское» правление в России. Екатерина заслужила титул Великой. Он был дарован ей ещё современниками. Императрице были присущи такие черты, как мудрость, решительность, властность, она была образованной, имела тонкое политическое чутьё и неоспоримые дипломатические способности. При этом, по меткому замечанию А. Пушкина «Тартюф в юбке», была и женщиной. Таким образом, она была женой, матерью, дочерью, бабушкой, и просто любвеобильной особой. Как сочетались в Екатерине II эти два социальных статуса правительницы и женщины?

Екатерина имела внешность, располагавшую к себе мужчин. Приведем её собственное высказывание на сей счёт. Оно относится к её молодости: она, – читаем в её записках, – была «одарена большой чувствительностью и внешностью, по меньшей мере, интересною, которая без помощи искусственных средств и прикрас нравилась с первого же взгляда» [3].

Екатерина, как и её предшественницы на российском престоле, ввела в свою эпоху совещательный орган «Императорский Совет». К слову, и у других правительниц были аналогичные, «параллельные» власти органы: «Верховный тайный совет» при Екатерине I, Кабинет трёх министров при Анне Иоанновне, Конференция при высочайшем дворе при Елизавете Петровне, которым поручалось ведение всех государственных дел.

Подобные органы – своеобразная «перестраховка» в ведении государственных дел.

Екатерина II – женщина, и, как и любая женщина, она нуждалась в постоянной заботе, поддержке и любви со стороны мужского пола. Таким образом, наличие крепкого мужского плеча было необходимо императрице как для ведения государственных дел, проведения внешней политики, так и для личного счастья. Причём очень часто мужчины сочетали в себе все необходимые для данного политического момента свойства. Вспомним, например, что государственный переворот, в результате которого свергли с престола Петра III и на него возвели Екатерину II, был совершён группой приближённых будущей императрицы, среди которых был и её фаворит Григорий Орлов. В числе фаворитов Екатерины числился и Станислав Понятовский, будущий король Польши, которого императрица будет использовать в своей тайной политической игре. Одним из самых значимых в плеяде фаворитов императрицы был, безусловно, Григорий Потёмкин, благодаря которому происходит блестящее освоение Россией Северного Причерноморья. Во многих письмах к Потёмкину Екатерина II называла его «дорогим и любимым супругом» [2].

Как видим, Екатерина II вслед за своими предшественницами на троне, несмотря на их слабости и противоречия, смогла стать достойной продолжательницей политики Петра I. Гендерная культура императриц стала основой их политики. В это время из «пустяков», элементов частной жизни, забав и праздного, на первый взгляд, времяпрепровождения вырастали целые пласты культуры, формировались предпосылки и механизмы дальнейшей модернизации.

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства. – М. : Собрание; Наука, 2005. – С. 328–335.
2. Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка (1769–1791). URL: http://www.modernlib.ru/books/vtoraya_ekaterina/ekaterina_vtoraya_i_g_a_potemkin_lichnaya_perepiska_17691791/read. (дата обращения: 22.04.2014).
3. Собственноручные записки императрицы Екатерины II. URL: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0380.shtml (дата обращения: 22.04.2014).

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОПРАВИА УДМУРТСКИХ ЖЕНЩИН В УДМУРТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Е ГГ.

**Е. В. Петрова, магистрант
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск,
Удмуртская Республика, Россия**

Summary. The article is devoted to the description of the shifts in gender roles and the main Soviet activities that were undertaken in the 1930-s to involve Udmurt women into politics. The article covers participation of Udmurt women in the Congress of Soviets of Udmurt Autonomous Region and the Supreme Soviet of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic and various conferences devoted to women.

Keywords: Udmurt women; regional history; soviet gender project; the Supreme Soviet of Udmurt ASSR; women in politics.

Отношение к женщине в различные периоды развития общества становится весомым и показательным критерием его правовой и культурной зрелости. Советский гендерный проект, реализуя политику эмансипации женщины, значительно трансформировал традиционное представление о женщине и её общественном положении. Масштабная советизация предусматривала равенство, символом которого стала также и недифференцированность профессиональных ролей и предоставление возможностей для карьерного роста женщин. Результатом этого стал сдвиг границ и иная интерпретация феминности и маскулинности, трансформация семейных отношений и статуса женщин в обществе.

За прошедшее столетие, благодаря нововведениям советской власти, российские женщины, в том числе представительницы малых народов, совершили прорыв в расширении своих социальных ролей и повышении общественно-политического статуса. Специфика реализации советского гендерного проекта имела свои региональные этнические и социокультурные особенности ввиду многоаспектности уклада жизни различных народов, определённых социально-экономических условий, накладывающих свой отпечаток на их развитие. Тем не менее, процессы и этапы реализации советской гендерной политики были идентичны для всех народов, населяющих страну.

Социальная политика советского государства позволила удмуртской женщине пройти стремительный путь социально-политической эволюции. Рассмотрим основные события, способствовавшие политической активизации женщин-удмурток в 1930-е гг.

В январе 1930 г. женотдел был расформирован на женские секторы отдела агитации, которые были упразднены в 1934 г. в связи с заявлением И. В. Сталина о том, что женский вопрос в Советском Союзе уже «решён». В начале 1930-х гг. произошла также ликвидация всех других общественных организаций, связанных с женским движением, которые якобы выполнили своё назначение.

В этот период женщины активно включались в политическую деятельность. Так, 10 удмурток вошли в состав областного исполнительного комитета, избранного на X областном съезде Советов УАО 1931 г. [1, д. 1359, л. 33–34]. Делегатами XI областной съезда Советов УАО (21–26 декабря 1934 г.) стали 76 удмурток (20,9 %) [1, д. 1359, л. 1–14, л. 24], 18 из них вошли в состав облисполкома-УАО [1, д. 1360, л. 65–66].

В 1934 г. Президиум ВЦИК принял решение о переименовании Удмуртской автономной области в Удмуртскую автономную советскую социалистическую республику (УАССР), в которой высшим органом государственной власти до принятия Конституции Удмуртской АССР (14 марта 1937 г.) являлся съезд Советов УАССР. В период между съездами высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом стал Центральный исполнительный комитет УАССР.

I Республиканский съезд Советов состоялся 12 января 1935 г., в его работе принимали участие 68 удмурток (19,3 % от общего числа делегатов). Правом совещательного голоса обладали 17 женщин, весомую долю которых составляли удмуртки – 12 человек (22,2 %). В ЦИК УАССР был избран 101 член (22 удмуртки – 21,8 %), а также 36 кандидатов (10 удмурток – 27,8 %) [2, д. 36, л. 6–15].

Первая сессия ЦИК УАССР состоялась 12 января 1935 г., в ходе её работы был избран председатель, секретарь ЦИК УАССР, а также Президиум ЦИК-а УАССР в составе 10 членов и 5 кандидатов. Членами Президиума стали 2 женщины: удмуртка – Екатерина Дмитриевна Белых и русская – Екатерина Васильевна Русинова. Среди кандидатов в члены Президиума женщин не было.

Важным событием 1935 г. по активизации женской половины общества стало проведение съезда женской молодёжи, организованного по приказу И. В. Сталина и директиве ЦК ВЛКСМ во всех национальных республиках страны по причине слабого выдвижения представителей нерусских национальностей на советскую работу, неудовлетворительной работы по повышению культурно-политического уровня женской молодёжи. На съезде женской молодёжи присутствовали 325 делегаток (143 удмуртки

и 137 русских, а также представительницы других национальностей) [4, л. 15]. В ходе работы участники обсудили вопросы слабого выдвижения удмуртских женщин, нарушений по оплате труда женщин, прав беременных, случаи отказов в декретных отпусках, препятствование выдвижению женщин на руководящие посты. На съезде женщинами были озвучены призывы к повышению активности по защите своих прав [4, л. 29, 80–82].

Одним из примечательных явлений в развитии удмуртского женского движения середины 1930-х годов стала Республиканская женская конференция УАССР, состоявшаяся в г. Ижевск 8–10 марта 1936 г. В ней приняли участие 172 делегатки. Конференция началась со вступительного слова Г. А. Иванова, председателя ЦИК И СНК УАССР, который отметил ряд важнейших проблем, задач и перспектив для активизации женского населения региона:

- отсутствие достаточного внимания подготовке женских кадров,
- выдвижение женщин на ответственные посты;
- невысокий процент женщин – председателей колхозов;
- высокая доля малограмотных женщин;
- требование к организации детских яслей в каждом колхозе для создания условий работы женщин-матерей;
- наличие нарушений в отпусках по беременности (Сюмсинский, Зуринский, Шарканский районы);
- активизация женщин в борьбе за свои права;
- развёртывание соц. соревнований на лучшую постановку работы и т. д. [2, д. 232, л. 1–2].

Интересным представляется выступление одной из участниц конференции – Анны Соколовой, председателя Ст.-Утчанского сельсовета Алнашского района УАССР. В своей речи делегатка отметила возросшую роль женщин на руководящих постах и в активное участие в управлении государством. А. Соколова говорила о необходимости создания благоприятных условий и поддержки женщин, занимающих руководящие посты, для успешной и плодотворной работы. Делегатка также подчеркнула слабую организацию работы по ликвидации неграмотности [2, д. 232, л. 2–3].

В целом съезд женской молодёжи 1935 г. и республиканская женская конференция 1936 г. продемонстрировали достижения и недочёты в решении женского вопроса, послужив мощным толчком для дальнейшей активизации и усовершенствования работы с женским населением.

10 ноября 1936 г. был созван II Чрезвычайный съезд Советов Удмуртии, делегатками которого стали 85 удмурток (21,5 %) [2, д. 292, л. 170–188].

В 1937 г. II Чрезвычайный съезд Советов утвердил Конституцию УАССР. Высшим органом государственной власти стал Верховный Совет УАССР.

В июне 1938 года были проведены выборы в Верховные Советы РСФСР и УАССР. В Верховный Совет УАССР первого созыва были избраны 142 человека, в том числе 22 женщины-удмуртки (15,5%) [3, д. 612, л. 39–41]. В списке членов Президиума Верховного Совета УАССР (по данным 1940 г.) состояли 5 женщин, из которых 3 были удмуртками: А. Д. Серебрякова, З. С. Бушмакина, Т. С. Кочкарева [3, д. 615, л. 6].

В целом, 1930-е гг. стали временем активного вовлечения удмуртских женщин в политические процессы. В этот же период усугубилась проблема гендерной асимметрии на рынке труда. Данный этап представлял жёсткую экономическую мобилизацию женщин: их начали втягивать в сферу общественного производства, в освоение мужских профессий, апогеем чего стало культивирование бесполости и использование клише «советский человек».

Библиографический список

1. ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 1359, 1360.
2. ЦГА УР. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 36, 232, 292.
3. ЦГА УР. Ф. Р-620. Оп. 3. Д. 612, 615.
4. ЦДНИ УР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 135а.

ИСЛАМ И ИНТЕГРАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

**Г. И. Гаджимурадова, кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет пищевых
производств, г. Москва, Россия**

Summary. This article gives historical retrospective attitude towards women in Islam, considering gender aspects of migration, integration problems of Muslims in Europe and, in particular, women integration. Article is trying to find solutions for those problems.

Keywords: Islam; Europe; integration; Muslims; gender aspect.

Ислам является традиционной религией в странах арабского Востока, и поэтому жизнь общества регламентируется здесь, в основном, нормами шариата. Поэтому гендерный аспект в решении социальных и политических проблем имеет ряд особенностей, отличных от Европы.

Для современного, динамично меняющегося мира сегодня характерны процессы миграции и связанная с этим проблема интеграции мигрантов и репатриантов в социокультурную и политическую жизнь принимающих стран. В связи с этим происходят кардинальные перемены в образе жизни и системе ценностей мигрантов.

Вследствие усилившихся в последнее время процессов миграции, ислам получает всё большее распространение в современном мире. Мусульманские общины существуют сегодня во всех странах Европы, на всех континентах. В связи с этим происходят ассимиляционные процессы, которые часто не отвечают нормам шариата, а порой даже идут вразрез с ними. Мусульманская женщина хочет участвовать в жизни общества, иметь доступ к образованию, избирать и быть избранной, вступать в брак по любви, делать карьеру.

Конечно, женщина-мусульманка, которая испокон веков считалась хранительницей домашнего очага и была ограничена в правах, в большей мере испытывает на себе эти изменения. С одной стороны, она всё ещё зависит от мужа и не должна нарушать законы шариата. С другой стороны, живя в другой стране (чаще в странах Европы) она не может не видеть тех изменений, которые происходят в Европе. Это бо́льшая раскрепощённость женщин, участие их в общественной жизни страны, иные ценностные ориентации.

Но, даже находясь в европейской стране, мусульманская община налагает множество запретов: запреты на браки между мусульманкой и не-мусульманином, запрет на посещение развлекательных мероприятий, публичных мест без сопровождения мужчины, обязательное ношение хиджаба, запрет на выбор профессии и др.

Во Франции, где на сегодняшний день самая крупная в Европе мусульманская община, принят закон о светскости. Существующая там ассоциация мусульманок Франции, которая называется «Мы не шлюхи и не рабыни» выступает за равенство полов, за отказ от ношения хиджаба в учебных учреждениях. Однако определённая часть женщин-мусульманок считает это покушением на их права и свободы, отступлением от норм шариата и даже отказывается посещать учебные заведения.

В Турции, где большинство населения исповедует ислам, тоже существует закон о светскости. С приходом к власти партии «Справедливость и развитие» наметился некий отход

от светских принципов. Свидетельством тому, что подрываются светские устои государства, являются следующие факты:

- отмена запрета на ношение хиджаба в университетах,
- введение запрета на употребление алкоголя в ресторанах и т. п.

Отход от светских норм наметился сегодня и в некоторых субъектах Российской Федерации, где основное население исповедует ислам (республики Северного Кавказа, Татарстан и др.). Это разрешение многожёнства, обязательное ношение платка, общественное порицание за ношение определённой одежды (брюки, открытые топы, облегающие платья и т. п.) И это, с одной стороны, ущемляет права женщин, а с другой, замедляет процессы интеграции.

Недавно в Нидерландах получил широкую огласку случай, когда тренер не допустил к занятиям в бассейне девушку-мусульманку только потому, что она была одета в буркини (буркини – купальный костюм, созданный модельером Ахедой Дзанетти, в котором соблюдены все правила канонов ислама, где неприкрытыми остаются лишь лицо, ступни и кисти рук).

Муниципалитет Зволля (Нидерланды) отменил решение тренера Майера запретить ношение буркини в бассейне. Сам он говорит, что речь не идёт о какой-либо дискриминации. Просто существуют определённые требования к форме одежды.

Однако есть и другое мнение. Его высказывает одна из жительниц Нидерландов, которая торгует этими буркини. Они (буркини) отвечают всем нормам безопасности и гигиены, которые предъявляются к купальникам. На её взгляд, буркини не являются провокацией и признаком исламизации спорта. Буркини не мешают, по её мнению, а помогают интеграции женщины-мусульманки в нидерландское общество.

У женщин появилась возможность заниматься плаванием в общественных бассейнах, позволить себе быть на людях, ходить на пляж в хорошую погоду и участвовать в общественной жизни страны. (О популярности этого купальника свидетельствует тот факт, что, несмотря на высокую цену – 160 долларов США – буквально за несколько недель в одной только Австралии было раскуплено около 9 тысяч штук).

Мусульмане в Нидерландах составляют 6 % населения 16-миллионной страны. Мусульманские общины, как и другие национальные меньшинства, могут рассчитывать на помощь государства. Государственные дотации получают религиозные школы и мечети. Вместе с тем традиционно толерантное

к мигрантам нидерландское общество выступает против исламского радикализма и экстремизма во всех его проявлениях.

Большая часть иммигрантов готова интегрироваться в европейское общество. Иллюстрацией этому может служить открытие на окраине Амстердама ресторана «Разноцветная кухня», название которой говорит само за себя. И работают здесь иммигранты, выходцы из неблагополучных кварталов. Главой местной администрации также является выходец из Марокко Ахмед Маркуш, который выступает за скорейшую интеграцию мусульман в европейское общество, а также справедливо считает, что нельзя смешивать ислам и исламизм. Мусульмане, на его взгляд, должны перенять европейские ценности, не теряя при этом своей самобытности.

Своеобразной формой интеграции можно считать отказ некоторых мусульман от ислама. В Нидерландах даже создан комитет бывших мусульман, куда входят как мужчины, так и женщины. Это не значит, что они примкнули к какой-либо религии. Многие отказались от религии вообще. Напомню, что 41 % населения этой страны не принадлежит ни к одной конфессии.

На сегодняшний день гендерная политика в европейских государствах направлена на то, чтобы помочь женщинам-мусульманкам найти своё место, помочь интегрироваться в европейское общество. Для женщин-мигрантов из африканских и азиатских стран, где господствует ислам, и жизнь женщины не выходит за пределы приватной сферы, интеграция в общество с иными гендерно-культурными нормами связана с определёнными трудностями. Этот процесс является очень болезненным и требует больших усилий, как со стороны государства, так и со стороны самих женщин. Многие женщины готовы сделать выбор, но боятся осуждения и непонимания со стороны своих соплеменников.

Мигранты, приезжающие в Европу из исламских стран, едут с надеждой на новую жизнь. Но хотят ли они расставаться с прежним менталитетом, интегрировать в новую социально-культурную среду? Большинство из них (а это, как правило, мужчины) не желают кардинальных перемен, крепко держатся за старые гендерные стереотипы. Женщины же готовы меняться, интегрировать в различные структуры нового общества.

Европейские организации по приёму и работе с мигрантами прилагают немалые усилия для осуществления интеграцион-

ных процессов в иммигрантской среде. Прежде всего, для всех желающих создаются бесплатные курсы по изучению языка принимающей страны, её истории, их детям предоставляется возможность обучаться в общеобразовательных школах, ведётся обучение определённым профессиям и т. п. И как следствие образование, целеустремлённость, владение несколькими иностранными языками отличает многих молодых мусульманок. И нередко они опережают своих единоверцев-мужчин в процессе интеграции в европейское общество, в иную социокультурную среду. Процесс интеграции, а вместе с ним и эмансипации ускоряется, когда женщине удаётся найти работу и как следствие обеспечить себе материальную независимость. При этом часто ей приходится преодолевать сопротивление потенциального работодателя, зачастую связанное с её религиозной принадлежностью. Это связано с охватившей мир исламофобией и нормами шариата, которых придерживается мусульманская диаспора.

В некоторых странах, например, в Голландии и в Германии, женщины-мигранты были выделены в отдельную целевую группу государственной поддержки, которая осуществляется в рамках действующего с 1985 года плана политики эмансипации.

На фоне этих позитивных процессов не может не вызывать удивления предложение архиепископа Кентерберийского (31 января 2008 года) о введении в Великобритании, хотя бы частично, законов шариата, т. е. исламского права.

По его мнению, следует позволить мусульманам некоторые гражданско-правовые вопросы решать через шариатский суд, а британские суды, на его взгляд, должны признавать принятые им решения, например, касающиеся заключения брака, разводов и т. п. Архиепископ заявил, что это ему кажется неизбежным и что так можно обеспечить социальное единство в стране. В этих дебатах о роли ислама вопрос о шариате является одним из самых спорных и трудноразрешимых. Вправе ли диаспоры создавать государство в государстве со своими законами и правилами или должны интегрироваться в общество, принявшее их, сохраняя при этом, разумеется, свою самобытность. Думаю, что ответ очевиден: только интеграция поможет сохранить социальное единство в обществе. Это требует больших усилий, как со стороны государства, так и со стороны этнических общин, проживающих в стране. Ислам и Европа смогут понять друг друга, если усилия будут приложены и с той, и с другой стороны.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЕ ПЯТИЛЕТИЕ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ

С. Р. Еремина, старший преподаватель
Орловский государственный институт искусств
и культуры, г. Орел, Россия

Summary. The results of empirical research and the comparative analysis of features of motivational and values of the spheres of working and unemployed women, retired.

Keywords: value; value orientations; goals in life; working women-pensioners; unemployed women-pensioners.

Мотивационно-ценностная сфера является одной из базовых составляющих в структуре личности, которая определяет социальное поведение человека, его профессиональную и личностную реализацию. Современные социальные условия, характеризующиеся кардинальными переменами в духовной, политической, экономической сферах, влекут за собой изменения в ценностных ориентациях женщин в непростой период адаптации к так называемому пенсионному возрасту. Обратимся к анализу особенностей мотивационно-ценностной сферы женщин 55–60 лет в первое пятилетие выхода их на пенсию. При изучении данных особенностей мы использовали методику «Вопросник самоактуализации личности» (САМОАЛ), методику исследования мотивации и внутренних конфликтов Е. Б. Фанталовой и анкету [1; 2]. В исследовании принимали участие 52 женщины, различающиеся по семейному положению, уровню образования, проживающие в г. Орле. Одна подгруппа испытуемых состояла из 26 работающих человек, другая – из 26 неработающих человек.

Результаты, полученные с помощью шкалы «Ценности» опросника САМОАЛ, показали, что большинство испытуемых разделяет ценности самоактуализирующейся личности. Значимые различия, полученные по этому параметру, позволяют сказать, что работающие испытуемые в своей жизни больше, чем неработающие, руководствуются такими ценностями, как истина, добро, красота, целостность, уникальность, совершенство, справедливость и т. д. Большинство женщин группы работающих пенсионеров стремятся к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми. Неработающие женщины тоже, без сомнения, являются полноценными в нравственно-духовном отношении

личностями, но, в условиях отчуждения от быстро меняющейся социальной действительности, на фоне негативных психических состояний, они, по-видимому, переживают утрату доверия к миру и не верят во многие ценности бытия.

Действительно, эти данные показали явную зависимость от других при статистическом анализе: низкие показатели шкалы «Ценности» в группе неработающих женщин-пенсионеров значимо коррелируют ($p < 0,01$) с высокими показателями по фрустрации ($r = -0,52$), с низким уровнем приятия себя и в целом со снижением эмоциональной комфортности.

Позитивный взгляд на природу человека является основанием для искренних гармоничных межличностных отношений, доброжелательности, симпатии и доверия к людям. По шкале «Взгляд на природу человека» были выявлены очевидные различия между группами, которые показывают, что по средним значениям работающих пенсионеров с положительной оценкой человеческой природы существенно больше, чем неработающих, что подтверждено статистически (при $p < 0,01$). Сопоставление этих данных показало, что 38 % работающих и 15 % неработающих женщин верит в людей, в могущество человеческих возможностей.

Творческое отношение к жизни, или креативность, – важный атрибут самоактуализирующейся личности, который присущ и работающим и неработающим женщинам 55–60 лет. Однако было обнаружено, что в выборке РП уровень креативности выше (высокий – 15 %, средний – 54 %), чем в выборке НП (высокий – 12 %, средний – 42 %). Работающие женщины в большей мере характеризуются творческим отношением к жизни. Вероятно, это связано с их активной трудовой деятельностью, с тем, что они вынуждены осваивать новые сферы деятельности с целью приспособления к меняющимся условиям труда, в отличие от неработающих женщин, которые замкнуты в узком социальном пространстве.

Анализ методики Е. Б. Фанталовой дает общую картину системы ценностей испытуемых и оценки ими своих жизненных перспектив с точки зрения желаемого и возможного. Известно, что в позднем возрасте у многих людей происходит ухудшение здоровья, поэтому вполне естественным для женщин 55–60 лет выглядит рейтинг ценности такой жизненной сферы, как «Здоровье». Предпочтение испытуемыми сферы «Счастливая семейная жизнь» связано, видимо, с повышением ценности семьи в этом возрасте: наличием своего «дома», родного человека, который поймет и утешит, – это то, что обеспечивает человеку психологи-

ческий комфорт, чувство безопасности и самооценности, особенно в современных социальных условиях, где многим пожилым людям необходимо просто выживать.

Не является неожиданным то, что «Материально обеспеченная жизнь» в рейтинге сфер поставлена на третье место работающими пенсионерами и на четвертое – неработающими. Несмотря на важность материально обеспеченной жизни для неработающих женщин, которые получают от государства небольшую пенсию, – несколько важнее оказалась сфера «Наличие хороших и верных друзей», занимающая в их рейтинге третье место, что, наверное, связано с дефицитом личностного общения и доверия.

Наиболее значительны различия между выборками в средних рейтингах. Работающие женщины на шестое место ставят интересную работу, а для неработающих женщин эта ценность неактуальна: она занимает в их рейтинге предпоследнее место.

Ценность любви у неработающих женщин поставлена на седьмое место, т. е. занимает среднюю позицию. Возможно, это связано с актуализацией личностных проблем, недостатком тепла, взаимопонимания, тревожностью. У работающих эта сфера имеет более низкое значение: ее потеснили такие ценности, как свобода и активная деятельная жизнь.

Ценность активной, деятельной жизни является малопривлекательной для женщин-пенсионеров и в целом отражает те социальные стереотипы, которые циркулируют в сознании общества, согласно которым женщины должны больше ориентироваться на семью, заботиться о внуках, что, впрочем, не противоречит их собственным ценностям (счастливой семейной жизни). По всей видимости, и при такой активности женщины могут чувствовать себя комфортно. По мнению известных психологов, одним из механизмов жизненной активности пожилого человека в современной ситуации может стать сосредоточение на интересах узкого социального пространства – собственной семьи.

Тем не менее, непонимание собственной ответственности за происходящее, нежелание или невозможность предпринимать активные усилия для изменения неприятной ситуации, пассивная жизненная позиция приводят к недооцениванию возможностей собственной активности, собственного потенциала. Именно обладание возможностями вести активный образ жизни, влиять на происходящее определяет уровень субъективного удовлетворения жизнью и ситуацией. Вероятно поэтому у испытуемых, назвавших ценность активной, деятельной жизни высокосignификантной,

определяются высокие показатели степени эмоциональной комфортности.

Недооценивают женщины-пенсионеры и сферу «Познание»: у неработающих она занимает восьмое место, а у работающих еще ниже – одиннадцатое. Низкое оценивание этой ценности и сферы «Красота природы и искусства», по-видимому, может объясняться прагматизмом современной жизни, в которой ценятся прежде всего вещи, имеющие непосредственный смысл, приносящие выгоду и результат, и тем, что для многих пенсионеров насущные вопросы выживания являются более актуальными, чем познание и красота природы и искусства. Такое же объяснение применимо и к ценности творчества.

При анализе отношения женщин 55–60 лет к сфере «Творчество» возникает нерадостная картина: испытываемые обеих групп поставили ее на последнее место. А ведь в позднем возрасте одним из факторов, обуславливающих продолжение поступательного развития личности, выступает творческий характер способа жизни человека. По-видимому, испытываемые поняли эту ценность слишком буквально, а не как творческое отношение к жизни. Весьма низкая ценность творчества показывает, что это понятие для женщин-пенсионеров размыто. Творчество утратило и пока еще не восстановило свое значение, поскольку резко упал престиж наук, искусств и культуры. Недооценку роли творчества усиливают стереотипность реакций и неумение видеть разнообразные выходы из сложившихся ситуаций.

Таким образом, высокосignачимыми ценностями в обеих выборках выступают, во-первых, здоровье, что в целом характерно для данного возраста; во-вторых, семья, которая может быть своеобразной нишей, где можно укрыться от неприятностей, трудностей, связанных с непростой жизнью в социуме; в-третьих, материально обеспеченная жизнь и наличие хороших, верных друзей.

Одновременно важнейшие социально значимые ценности, такие как творчество, красота природы и искусства, познание, активная, деятельная жизнь, отвергаются большинством женщин 55–60 лет.

При рассмотрении результатов, полученных при оценивании испытываемыми субъективной доступности в будущем тех или иных жизненных сфер, получаем такие данные.

На первых позициях по-прежнему остаются «Счастливая семейная жизнь», «Наличие хороших и верных друзей». В то же время доступность здоровья становится более проблематичной и занимает четвертое место, по сравнению с ее первостепенной

важностью в первом рейтинге. «Уверенность в себе» передвинута на одну ступень вверх и стала более доступной. Обладание материальными благами более желанно, чем доступно. Доступность сфер «Любовь», «Интересная работа», «Творчество» оценивается женщинами как очень низкая.

Таким образом, мы установили, что есть расхождение между желательностью ценностей и их доступностью в двух выборках. При этом надо заметить, что часть неработающих женщин отказалась заполнять таблицу доступности ценностей (считают, что у них нет будущего), что может косвенно свидетельствовать о нарушении гармоничного соответствия желаемого и доступного, о наличии внутренних конфликтов, психологических защит.

Кроме того, в двух выборках были выявлены внутренние конфликты и внутренние вакуумы (когда доступность какой-либо сферы значительно выше, чем ее ценность). Внутренние конфликты в двух выборках максимально выражены в сферах «Здоровье», «Счастливая семейная жизнь», «Материально-обеспеченная жизнь», «Свобода», «Наличие хороших и верных друзей». «Здоровье» у работающих и неработающих женщин устойчиво занимает в рейтинге ценностей первые места и столь же устойчиво оценивается ими как не очень доступная сфера. По-видимому, многие женщины в этом возрасте испытывают проблемы со своим физическим состоянием. Они не только ценят свое здоровье, но и испытывают страх и тревогу по поводу своего будущего в этой связи. Неуверенность по поводу здоровья усугубляется нестабильностью, напряженностью и жесткостью современной социальной жизни.

Работающие женщины высоко оценивают значимость счастливых внутрисемейных отношений, при этом сомневаются в своих возможностях их достичь: по внутренним конфликтам эта сфера на втором месте. Испытуемые ощущают дефицит теплых, неформальных отношений, присущих благополучному внутрисемейному климату. Возможно, еще и потому, что в группе работающих пенсионеров одиноких (незамужних, разведенных) женщин больше, чем в группе неработающих пенсионеров. Неработающие женщины тоже демонстрирует проблемы в оценке своих субъективных возможностей в этой сфере, но этих внутренних конфликтов у них меньше. Они больше беспокоятся о своем материальном обеспечении, что вызывает у них сильные переживания, внутренние конфликты.

Внутренние вакуумы выражены в меньшей степени, чем внутренние конфликты. Наиболее часто они встречаются в сферах

«Красота природы и искусства», «Наличие хороших и верных друзей», «Познание».

Таким образом, результаты проведенного нами тестирования показали, что ведущими ориентационными ценностями женщин 55–60 лет являются здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, уверенность в себе и свобода как независимость в поступках и действиях.

Выявилась проблемная область в адаптации женщин 55–60 лет, к которой относятся несформированность таких ценностей, как творчество, красота природы и искусства, познание, активная, деятельная жизнь. Другая проблемная зона связана с восприятием и оценкой женщинами-пенсионерами таких областей жизни, как здоровье, счастливая семейная жизнь и материально обеспеченная жизнь. Выраженное превышение субъективной важности этих жизненных сфер перед их доступностью приводит к появлению внутренних конфликтов в этих областях, что в свою очередь формирует страхи, увеличивает тревожность и понижает самооценку женщин.

Сравнительный анализ особенностей мотивационно-ценностной сферы по группам испытуемых позволил выявить значимые различия. Испытуемые группы работающих женщин-пенсионеров в большей мере разделяют ценности самоактуализации: «Ценности бытия», «Взгляд на природу человека», «Креативность», по сравнению с испытуемыми группы неработающих женщин-пенсионеров.

Итак, работающие женщины характеризуются более оптимистичным отношением к будущему, позитивной оценкой прошлого, стремятся к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми. Вместе с тем, в системе ценностей работающих и неработающих женщин 55–60 лет было обнаружено много общего, в частности наличие общих ориентационных ценностей и оценивание доступности некоторых ценностных сфер.

Выявленные негативные тенденции адаптации женщин к пенсионному периоду в первые пять лет требуют тщательного анализа причин их возникновения и выработки основных путей их преодоления, заключающихся в оказании всесторонней психологической помощи пожилым людям, в том числе и в разработке адресных программ консультативной и социальной работы с людьми пенсионного возраста.

Библиографический список

1. Калина Н. Ф. Вопросник самоактуализации личности // Журнал практ. психолога. – 1998. – № 1 – С. 54–75.
2. Фанталова Е. Б. Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» // Журн. практ. психолога. – 1996. – № 2. – С. 32–37.

ПОЛО-РОЛЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СПОРТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВВ.

**Б. Л. Шапиро, преподаватель
Российский государственный гуманитарный
университет, г. Москва, Россия**

Summary. The article analyzes the transformation of sex-role stereotypes in modern society. This research is based on the example of women's sports since the beginning of its formation. It is noted that the women's struggle for equal rights in the high performance sports took more than half a century.

Keywords: history of culture; gender history; history of sports; history of equestrian sports.

Специфика той или иной культуры зачастую интересно раскрывается через призму истории гендерных отношений внутри её, и в частности трансформации присущих ей поло-ролевых стереотипов. Особенно показательна в этом отношении история женского спорта, в том числе и спорта высших достижений, которые определяют предельные возможности человека.

Впервые в истории женщины были допущены к участию в Олимпийских играх в 1900 г. на II Играх. Распределение их участников в гендерном соотношении составляло 22:997 при явно превосходящем количестве мужчин [8, с. 256]. На Играх 1904 г. в основных видах спорта женщины не были заявлены. Они получили право на постоянное участие в Олимпиадах только с 1908 г., чему предшествовала кампания суфражисток за права женщин, угрожавшая срывом Игр. Добившись возможности официально участия, поначалу спортсменки выступали только в трёх видах: стрельбе из лука, теннисе и фигурном катании.

Одной из серьёзных преград являлась специфическая викторианская философия Пьера де Кубертена, главного идеолога Олимпийских игр и президента Международного Олимпийского Комитета в 1896–1925 гг. (трёхлетний перерыв был связан

с военными действиями). Согласно ей Олимпиада являлась международным, проводимым регулярно праздником мужского атлетизма, возведённого до уровня искусства; признанием его были аплодисменты женщин. Взгляды П. де Кубертена были поддержаны обществом, настроенным против любых форм женской физической активности. Попытки занятий спортом вызывали порицание, вплоть до правового запрещения. Так, в 1887 г. Председатель Британской медицинской ассоциации высказывал мнение, согласно которому «...в интересах социального прогресса, национальной эффективности и прогрессивного улучшения человечества, женщинам должно быть отказано в праве на образование и на другие виды деятельности, которые могут привести к физическому переутомлению и невозможности производить здоровое потомство» [6, с. 45].

Несмотря на то, что активные дискуссии о приемлемости женского спорта велись вплоть до начала Первой мировой войны, уже в начале XX века женщины постепенно начинали принимать активное практическое участие в физкультурно-спортивном движении. Этому в немалой степени способствовало набирающее популярность мнение врачей, считающих, что умеренные физические нагрузки несут только пользу женскому организму [1; 2]. Принесло определённую помощь и всё шире разворачивающееся эгалитарное движение за ликвидацию гендерной асимметрии. В повседневном обиходе появилось понятие «женщина-спортсмен».

Одним из популярных видов спорта, наиболее доступных женщинам с древнейших времён, была верховая езда. В рамках современной олимпиады конноспортивные состязания появились на II Играх в 1900 г. в Париже. В программу вошли 5 видов конного спорта. Среди них было ставшее впоследствии традиционным олимпийским индивидуальное первенство по конкуру, в то время носившее название конкур-иппика. Другие виды: гонки на почтовых повозках, конно-охотничье шоу, одиночные прыжки в длину и в высоту проводились на олимпиаде однократно и не вошли в классическую олимпийскую программу.

В конноспортивных состязаниях этих Игр принимали участие 56 мужчин, преимущественно офицеров кавалерии, и только две женщины [7, с. 26]. Одной из них была 45-летняя итальянка Элвира Гверра, родственница легендарного наездника по прозвищу «Неистовый» Алессандро Гверра. Второй спортсменкой была француженка мадемуазель Мулен. Э. Гверра на лошади *Libertin* и м-ль Мулен, имя лошади которой не сохранилось в истории,

выступали в Конно-охотничьем шоу [4, с. 56]. Соревнования проходили по следующей программе: всадники показывали лошадь на шагу, на рыси и на галопе, затем брали препятствия. Главными критериями оценки в этом виде были мастерство и лёгкость управления лошадью, манера верховой езды и внешний вид всадника и лошади. Спортивными костюмами всадниц были длинные платья – так называемые «амазонки», приспособленные для дамского седла. Это подчёркивало их неравное положение по сравнению с остальными участниками, затрудняя выполнение программы.

В историю первых Олимпийских игр вошла ещё одна всадница, несмотря на то, что она так и не стала их участницей. В 1912 г., перед Играми V Олимпиады в Стокгольме, 15-летняя британка Хелен Прис обратилась к руководству Международного Олимпийского Комитета (МОК) с ходатайством разрешить ей участие в олимпийских соревнованиях по современному пятиборью. Интересно, что Хелен к тому моменту уже имела репутацию превосходной всадницы и имя «Новой амазонки», которым она и подписала своё письмо к президенту МОК Пьеру де Кубертену [3, с. 26]. Свой ответ Кубертен высказал в опубликованной статье «Женщины и Олимпийские игры», где назвал женский спорт делом «непрактичным, неинтересным, неприглядным» [5, с. 38]. Просьба Х. Прис не была удовлетворена по формальным причинам, а общественность в очередной раз подтвердила нежелание предоставить женщинам в спорте какую-либо иную роль, кроме зрительниц.

Классическими видами конного спорта начала XX в., как и сегодня, были выездка, троеборье и конкур. Соревнования проводились в личном и командном зачетах. В 1912 г. конный спорт вошёл в постоянную программу Олимпийских игр. Однако женщины не имели возможности принять участия в этих состязаниях; они соревновались только в неклассических видах, таких, как конное шоу, карусель, джимхана или битва на копьях. Путь всадниц к классическим видам конного спорта и к спорту высших достижений занял ещё полстолетия.

Интеграция женщин в международное спортивное движение и в других видах проходила сложно. До 1924 г. женщины соревновались за рамками официальной программы Олимпийских игр. Перечень видов спорта, доступных женщинам согласно регламенту, был нестабилен, вариативен и крайне скуп. Строгие ограничения были наложены, в числе многого другого, и на участие

женщин в состязаниях по конному спорту. Так, на 33-й сессии МОК в 1934 г. в Афинах, после подробного обсуждения, двумя голосами «за» и тринадцатью «против» было отклонено прошение женщин, занимающихся конным спортом, о возможности их участия в соревнованиях по конкуру. Отметим, что в ходе этой сессии было получено разрешение на участие женщин в фигурном катании, фехтовании, плавании, спортивной гимнастике (только в командном многоборье), лёгкой атлетике и горнолыжном двоеборье, но не в конном спорте. Это решение объяснялось заботой о сохранении античных олимпийских традиций. Впоследствии была подана апелляция, отклоненная МОК в 1936 г. Вторичному рассмотрению дела помешала начавшаяся Вторая мировая война, и согласие МОК было получено только в 1952 г., после внесения изменений в Олимпийскую хартию.

Этому эпохальному в истории многих видов спорта событию предшествовал ряд длительных дискуссий. Только на 41-й сессии МОК в 1947 г. при рассмотрении вопроса о женском спорте, конный спорт был поставлен в «лист ожидания», наряду со стрельбой из лука и хоккеем на траве.

Сенсацией следующей, 42-й сессии МОК (1948 г.) стала отмена запрета на участие в конноспортивных состязаниях всех, кроме офицеров действующих армий. Поводом к этому послужил казус, происшедший с командой Швеции по выездке. Она заняла первое место, но впоследствии была дисквалифицирована, поскольку в её составе был сержант Дж. Перрсон [5, с. 85]. Именно в процессе длительного обсуждения шведского конфликта этот запрет был назван антидемократичным, и была высказана мысль о том, что не только каждый, но и каждая имеет право на участие в состязаниях. Вердикт о допуске женщин к конноспортивным состязаниям олимпийского уровня был принят уже в следующем году, на очередной сессии МОК.

Актуальными оставались вопросы по практическому устройству состязательных программ. Так, в 1962 г. на 60-й сессии МОК обсуждалось введение программ, различающихся в зависимости от пола спортсменов. Этот проект был отклонён большинством голосов. Только в 1972 г. на 73-ей сессии МОК было окончательно утверждено право женщин на участие почти в двух десятках видах спорта, включая и конный спорт.

Таким образом, несмотря на то, что первые шаги в этом отношении были сделаны ещё в конце XIX в., интеграция женщин в спорт высших достижений заняла более полувека активных действий.

Библиографический список

1. Волкова М. М. Гигиена женщины и девочки. Советы по уходу за здоровьем и косметике. – СПб. : Изд-во журнала «Вестник моды», 1901. – 170 с.
2. Мюллер И. П. Моя система для дам. Естественный путь к укреплению здоровья и развитию и сохранению красоты / пер. с англ. – М. : Здоровье и красота, 1911. – 147 с.
3. Daniels S., Tedder A. «A Proper Spectacle»: Women Olympians 1900–1936. – Bedfordshire : ZeNaNa Press, 2000. – 163 p.
4. Drevon A. Les Jeux Olympiques oubliés: Paris 1900. – Paris : CNRS Editions, 2000. – 218 p.
5. Guttmann A. The Olympics: A History of the Modern Games. – Illinois : Univ. of Illinois Press; 2nd ed., 2002. – 248 p.
6. Hargreaves J. Sporting Females: Critical Issues in the History and Sociology of Women's Sport. – London : Routledge, 1994. – 332 p.
7. Hedenberg S., Pfister G. Ecuyeres and «Doing Gender». Presenting Femininity in a Male Domain-Female Circus Riders 1800–1920 // Scandinavian Sport Studies Forum. – 2012. – № 3. – P. 25–47.
8. Mallon B., Buchanan I. The 1908 Olympic Games: results for all competitors in all events, with commentary. – Jefferson : McFarland & Co, 2000. – 536 p.

УПАДОК НРАВОВ В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ (1919–1933 ГГ.) И ПРИМЕР ГЕНДЕРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

**А. Ю. Чередникова, кандидат исторических наук, доцент
Южный федеральный университет,
филиал в г. Геленджик, Россия**

Summary. This paper addresses the problem of transforming patriarchal German society during the Weimar Republic. Following the collapse of the socioeconomic decline of morals in the country resulted in the deterioration relations between genders and improved representation of homosexual behavior as a social phenomenon.

Keywords: moral decline; homosexual behavior; gender representation; Weimar Germany.

Веймарская республика на протяжении почти всего своего существования являла пример политической, экономической и социальной нестабильности: многочисленные политические кризисы, тяжёлое социально-экономическое положение [см. подробнее 1; 4; 6; 8]... Зыбкость веймарских перемен, особенно, в кризисные годы, тяжело сказывалась на моральном и нравственном климате в стране. Атмосферу того времени колоритно передал Ганс Фаллада: «...повсюду героин, кокаин, морфий... нагие танцовщицы,

французское шампанское и американские сигареты... грипп, голод, отчаяние и разврат, преступление» [8, с. 64]. Дух времени и пошатнувшиеся представления о морали передаёт текст популярной в те годы песенки О. Штрауса «Безрассудная молодая женщина»: «Разве, разве это должна быть обязательно большая любовь? Нельзя ли, нельзя ли просто быть одну ночь счастливым?» [2, с. 135] Вообще, проституция, наркомания, упадок нравов и кризис традиционных устоев общества стали теми негативными социальными явлениями, которые повлияли на дальнейшую судьбу страны.

Упадок и свобода нравов в те годы в Германии поражала современников – самих немцев и иностранцев – и имела самые разнообразные проявления. Так, гомосексуализм и гомосексуальное поведение становится едва ли не естественным и даже модным. При этом гомосексуальное поведение в условиях экономической разрухи и нужды могло проявляться не в силу природной тяги однополых представителей друг к другу, но и вынужденно, т. е. могло выступать в качестве разновидности проституции, как услуги для особой категории клиентов. Один из идеологов национального социализма (идеология «штрассеризма») О. Штрассер отмечал: «...нужда разрушала мораль, и люди старались забыться в пьянстве, жажде громких сенсаций и эксцентрических удовольствий... Обнажённые танцоры демонстрировали себя аплодирующей аудитории, опьянённой спиртным и похотью. Это была эпоха садизма и мазохизма, всевозможных извращений и чудачеств. Бурно расцвели гомосексуализм и астрология» [9, с. 42].

Законодательство одинаково строго относилось к факту гомосексуального поведения. Гомосексуализм продолжал считаться уголовным преступлением: небезызвестный параграф 175 Уголовного кодекса Пруссии после объединения страны в 1871 году распространился на всю её территорию и продолжал действовать вплоть до отмены в 1994 году(!). По данным историка А. Васильченко, из 62 млн 470 тыс. человек только в Берлине насчитывалось 56 тыс. гомосексуалистов, а всего по стране – до 1,2 млн человек – около 2 % населения [3, с. 23]. И всё же в Веймарской республике сформировалась так называемая «гомосексуальная субкультура» (журналы и газеты, кафе и бары, мероприятия). С 1924 года начал публиковаться первый в мире журнал для людей гомосексуальной ориентации «Der Eigene» («Особенный»). В крупных городах Германии, особенно в Берлине, существовали специализированные бары, кафе и дансинги. Известнейшим

местом для встреч мужчин являлся бар «Эльдорадо» в Берлине, женщин – «Виолетта». Этот мир и его нравы описаны в воспоминаниях и повестях «поломников»-иностранцев К. Ишервуда «Прощай, Берлин!», С. Спендера «Храм», а так же в зачастую автобиографичных произведениях художественной литературы современников описываемых событий Ст. Цвейга («Смятение чувств, из записок старого человека», «Вчерашний мир»), Г. Гессе («Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером», «Нарцисс и Гольдмунд») и др.

Гомосексуальная тематика прослеживается и в кинематографе веймарского периода. Со слов М. Трофименкова: «Подход к проблеме пола» на экране эволюционирует от плакатных манифестов за отмену 175-й статьи уголовного кодекса, карающей однополую любовь. «Иначе, чем другие» (1919) Рихарда Освальда сохранили уникальную повседневность гомосексуальных дансингов: это фон трагедии скрипача (Конрад Фейдт), полюбившего своего юного протеже и ставшего жертвой шантажиста. А шедевр Леонтины Саган «Девушки в униформе» (1931) – убедительная и трогательная... драма любви воспитанницы прусского пансионата для офицерских дочерей к воспитательнице» [7].

Женская гомосексуальность в Веймарской Германии так же находилась в сфере интереса вышеупомянутых общественных и медицинских организаций. Деятель германского и международного рабочего движения А. Бебель отмечал факт популярности сексуальных отношений между женщинами ещё в начале XX века: «Половая любовь между мужчинами распространена гораздо сильнее, чем многие думают; об этом тайные акты некоторых полицейских бюро могли бы сообщить ужасающие факты. Но и среди женщин всё в большей степени возрождаются неестественности старой Греции. Лесбийская любовь, сафизм, считается очень распространённой среди замужних женщин в Париже... В Берлине, говорят, четверть всех проституток занимается трибადией, но и в кругах дам нашего высшего света нет недостатка в ученицах Сафо» [1]. Буквально символом однополых женских отношений стала звезда мирового кинематографа немка Марлен Дитрих. Уже в 20-х за актрисой прочно закрепилась репутация женщины одинаково интересующейся как мужчинами, так и женщинами. В своих воспоминаниях «Размышления» в переводе замечательной отечественной исполнительницы Майи Кристалинской М. Дитрих неоднозначно и с трепетом вспоминает свои первые платонические чувства к учительнице французского языка мадемуазель Марга-

рите Бреган: «Наконец наступил день, когда я стала ученицей её класса и могла часами смотреть на неё. Казалось, она не обращала на меня внимания, лишь иногда бросала украдкой взгляд, как бы желая убедиться, что я не выдала себя. Доверительность, интимность точно нарушали сонный воздух классной комнаты и наполняли моё сердце ощущением счастья, которое редко выпадает людям и может воспеваться только поэтами... Школа перестала быть тюрьмой, теперь она была как большой город, и я знала, где нужно искать и находить мою тайную верную любовь...» [5]. Однако все последующие приписываемые ей сексуальные связи с женщинами сама М. Дитрих отвергает. Она настаивала на том, что только её роли в кино создали ей этот имидж (дуэт с Марго Лион в мужских костюмах с приколотыми букетиками фиалок – символом однополрой женской любви Германии тех лет – «Марокко», 1930; «Голубой ангел», 1930 и пр.).

Репрезентация и существование сексуальных меньшинств не сводилось к одному их бытованию, нападкам и критике со стороны консервативных сил и представителей церкви и людей традиционной сексуальной ориентации. Интерес к проблеме и актуальность её решения подчёркивались созданием официальных научных и общественных организаций и печатных органов, выступавших в защиту представителей сексуальных меньшинств и отстаивавших их право на существование. Так, в 1919 году в Берлине известным врачом и общественным деятелем, евреем по национальности, гомосексуалистом Магнусом Хиршфельдом был организован Институт сексуальных наук, ставший первым институтом в мире, исследовавшим, прежде всего, гомосексуальность человека. В 1921 году институт организовал «Первую научную конференцию реформирования в вопросах секса на основе исследований сексологии». Учёные института были убеждены в том, что новшества в сексологии могут привести к реформам в обществе. На втором конгрессе института в Копенгагене (1928 г.) была основана «Всемирная лига сексуальных реформ». За ним последовали конгрессы в Лондоне (1929), Вене (1930) и Брюнне (1932). В 1935 году в Германии организация была распущена.

Очевидно, что в условиях жёсткой социально-экономической нестабильности в Веймарской республике наблюдался критический упадок нравов. Он сопровождался не только крушением гендерных стереотипов в общественном сознании и расстройством традиционного уклада, но и процветанием и скрытой пропагандой гомосексуализма и гомосексуального поведения.

Репрезентация образа человека гомосексуальной ориентации осуществлялась постоянно и наглядно.

Библиографический список

1. Бебель А. Женщина и социализм. – Гл. 12. Проституция – необходимое социальное учреждение буржуазного общества // http://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/bebel_woman.html&sa=U&ei=4b1bU83bKqPksASms0AI&ved=0CBoQFjAA&usg=AFQjCNGTFpnOzFJj2ed5pvTc5pvKras_UA (доступ к ресурсу 24.04.2014).
2. Биск И. Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. – Иваново, 1990.
3. Васильченко А. Секс в Третьем рейхе. – М., 2005.
4. Драбкин Л. В. Становление Веймарской республики. – М., 1978.
5. Дитрих М. Размышления // http://www.royallib.ru/book/ditrih_marlen/razmishleniya.html&sa=U&ei=pr1bU5ahA9TJsQSGsYK0DA&ved=0CDIQFjAI&usg=AFQjCNEmRuvTBokeeCPKhyliheTjdYUvag (доступ к ресурсу 24.04.2014).
6. Патрушев А. И. Германия в XX веке. – М., 2004.
7. Трофименков М. Сны Веймарской республики: о ретроспективе киноэпохи в MoMA // <http://www.arthouse.ru/news.asp%3Fid%3D13412&sa=U&ei=wp5bU4KtKcbQsQS-5YDYCg&ved=0CCgQFjAC&usg=AFQjCNH5jR3wITxR7bVEYpiOQIH8zAG-NA> (доступ к ресурсу 24.04.2014).
8. Фаллада Г. Волк среди волков. – М., 1959.
9. Штрассер О. Гитлер и я. – Ростов н/Д., 1999.

THE VALUE OF A YOUNG FAMILY IN THE MODERN WORLD

**A. A. Ivanova, postgraduate student
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia**

Summary. During the formation of the economic system in Russia in family settings and values changed. Great changes in the political, economic and cultural spheres of our society entail a radical change in psychology, valuable orientations and actions of people. Special urgency acquires today the studying of changes in the minds of today's youth. Inevitable under the existing foundations breaking of values, its crisis is mostly manifested in the minds of people of this social group.

Keywords: Young family; socio-demographic situation; gender relations: authoritarian and egalitarian (equality); socio-economic transformation; a case study.

During a long historical period, thousands of years, the family has changed and transformed under the circumstances. At each stage of history society had its own type of family and family values, and family institution realized the values for which the family exists. These are so-called generic values of marriage and family. In modern world, the fam-

ily and its values are generated by culture. These values are unique, unrepeatable, they can not fully replace any other benefit. People's culture is unthinkable without family, love, children, marital and family relations. Relationship and family are the skeletons of repetition of human culture, a kind of a transmission mechanism of pity, compassion, understanding and willingness to help people who close to you. Through them the experience of centuries, traditions and customs are perceived, that is the law of succession and preserving of culture.

In Russia, as in many developed countries, the family as a social institution is undergoing profound changes. Most modern scholars, based on empirical as well as demographic data, come to conclusion that the institution of a young family in contemporary Russian society is in crisis because it does not perform its core functions, especially in the field of bearing and rearing children. These are such researchers as: A. I. Antonov, V. M. Medkova, T. A. Repina, V. I. Yakunin.

The problem of studying of family values due to acute deterioration of the demographic situation in the country appears to be very relevant, taking into account the role of youth in the replacement of the outgoing generation and reproduction of socio-demographic structure of society. Family policies of all civilized nations consider it a prior task to strengthen the institution of the family.

Modern young family performs many functions: people's psychological comfort and emotional support, a sense of security; creating of conditions for the development of the personality of all family members; sexual satisfaction; joint leisure activities; fatherhood or motherhood and financial support [1, p. 90–92].

To determine the social well-being of young families and reasons of marriage an online express-questionnaire of young people was conducted, including special applications for sociological research in social networks (sample consisted of 100 people). Socio-demographic characteristics of the respondents: 50 % – men; 50 % – women. By nationality: 73 % – Russian; 25 % – Tatars; 2 % – other nationalities. Spouses age 21–25 years – 26 %, 26–29 years – 47 %, 30–32 years – 27 %. The social status of the respondents was as follows: 8 % – university students; 24 % – state and municipal employees; 15 % – employees; 30 % – military; 7 % – young mothers; 6 % – housewives; 10 % – unemployed. The level of education in young families is quite high: 57 % – higher education; 7 % – incomplete higher education; 24 % – high-school degree; 12 % – secondary education. It turned out that 38 % of all respondent married at the age of 21 to 25 years; 62 % over 24 years. In most cases, the relationship before marriage were

quite long: 75 % of respondents reported an interval of 2 to 3 years; 10 % – the interval of 1 to 2 years; 10 % – the interval is 6 to 12 months. The main reasons of marriage 69 % of respondents said «love of the future spouse»; 15 % of respondents identified position – «an expected baby»; 5 % of respondents – «improving of the material conditions»; 5 % of respondents – «age»; 1 % of respondents – «pressure of parents» 5 % of the respondents – «the desire to legitimize their intimate relationship». Half of the respondents «do not have children», 26 % – «have one child» and 24 % «have two children». The survey showed that the economic situation of young families today looks critically. Based on the findings of young families there are four stable subgroups:

1. Families with high income (9 %) – «have the opportunity to buy expensive things, consumer durables» and over 1 % can be attributed to a group a very high income worth, which «have enough money is enough to buy everything».

2. Families with average income – (31 %) – «can afford themselves to make small purchases of clothing and footwear».

3. Families with low income (33 %) – «can afford themselves to buy things, which meet the basic needs only».

4. Families with income below the poverty line (19 %) – those who have not enough money even for food. 19 % of respondents identified themselves as such people. Most young families, being in a bad financial position, do not have their own flats and are forced to live with their parents. And almost every family has a dependency on their parents is in material terms, which leads to frequent conflicts. But this is not the only cause of the quarrels of young couples. The negative role plays also unsettled family life, high level of personal responsibility, sexual dissatisfaction in marriage. All these often lead to a rapid disintegration of the family unit.

Development of the family in terms of changing family values and devices intra-family relations entails a gradual transition from the traditional (patriarchal) model, with a clear chain of command to the age and sex to the detotsentrists (transitional) family, which is characterized by «elevation» values of privacy, emotional relationships and exaggerated value of children, and, finally, to the conjugal family, which is described as «personal interaction between husband and wife, is regulated by moral principles and supported by immanent values». Based on these types of families corresponding types of gender relations are separated: authoritarian (regulated roles and headship of the husband) and egalitarian (based on equality) [2, p. 76].

In modern society, women usually had fulltime employment, providing equal footing with men in an important contribution to the

family budget, while maintaining the unequal distribution of household responsibilities between men and women. The role of mothers in society implies their absolute priority in the education of children.

The contradiction between industrial and domestic functions entrusted to the women, their high workload was one of the most common themes of researches of sociologists in 1970–1980. Scientists noted that «if the workload of men in the workplace and at home was about 50 hours a week, for mothers in urban households it was 30 hours more» [3, p. 100].

So, A. G. Harchev expressed the view that the unequal distribution of family responsibilities entails a breach of the principle of equality of the sexes, creates the best conditions for physical and cultural development for the men than for the women [10, p. 45]. Well-known scientists in the field of family sociology L. Gordon, E. Bedbugs, L. Onikov based on the results of a sociological questionnaire noted that domestic work takes for working men about 1 hour per day, for women with children up to 4–5 hours per day [4, n. 53].

According to the survey Z. A. Yankova 25 % of women felt it necessary to make more equal distribution of responsibilities between spouses [5, p. 79].

Among the reasons for the weak participation of men in family affairs they called underdeveloped social forms of consumer services and low level of mechanization of domestic work. Researchers believed that the restructuring of homework toward mechanization, the occurrence of such elements in it, which can equally be carried out by men and women, lead to equality of spouses in the intra-activity. In the scientific literature we can often find judgments that a woman actually occupies a commanding position in the family: the family budget, the education of children, the organization of family leisure [6, p. 277]

Joint Russian-American study, which was conducted in 1996 and its results were published in a book titled «Window to Russian private life» allows us to conclude that, despite some changes in family roles, values and beliefs, the patriarchal family in Russia yet remained dominant. The entire study demonstrated the consent of both men and women, that man should earn money, but women should distribute the family budget. Separate spheres of responsibility of men and women inside and outside the house remained unchangeable. However, data from this study suggest that husbands more often than before, began to perform some jobs around the house together with their wives. The results showed a gap in the views of men and women about the types of spousal interaction: wife more often held egalitarian views on relation-

ships, tended to alter the boundaries between fixed responsibilities and husbands, in contrast, stuck to the traditional model of relations, but decisions in most families carried mostly together, rather than separately. Contrary to the reality of the 1990s, many women would like their husband to maintain the family economically, thus providing an opportunity to engage the wife in housekeeping [7, p. 233–234].

Research of late 1990s allow us to conclude that the young Russian family at that time was in a constant process of «rethinking» of gender relations of power and division of labor. At the end of the 1990s a new trend in the development of relations appeared – the formation of life strategy «successful woman», for which the foreground are the interests of professional fulfillment and career [8, p. 147].

The results of nationwide survey «Family. Demography. Social health of the population of the Russian Federation», conducted in 2006, showed that the role of the family structure is undergoing a change: an increase in the symmetry in the distribution of family responsibilities between husband and wife, changing of perceptions of leadership in the family. This opinion is confirmed by many Russians that there shouldn't be the head of the family at all – important decisions should be made jointly, small – in accordance with the existing division of responsibilities. Views on the concept of «breadwinner» also changed, thus, if a man defines himself as the «breadwinner», almost the sole reason for this is the fact that he has an income higher than the wife; if a woman calls herself the «breadwinner», it means that she is having a higher salary than her husband, and carries out the function of distribution of total family income.

However, women still find themselves in a difficult situation when they need to perform multiple social roles simultaneously: the role of breadwinner, the role of wife and mother. These studies demonstrate that despite the fact that in the modern family, women still continue to perform basic household chores and child-rearing, the researchers came to conclusion that the division of roles in the family depends on the type of their social identity. Families where one spouse works, characterized by the traditional division of roles. Among married couples in which both husband and wife work, the representatives of the «working class», consider their wife's work to be economically necessary, while middle-class families see in the work of their wives, the factor of emancipation [9, p. 81–82].

Thus, the analysis of the works of our sociologists shows that in the period of social and economic transformations in the beginning of the XXI the Soviet-era phenomenon is gradually destroyed – the

existence of the same for all social groups normative model of a family. Along with patriarchal, public opinion formed egalitarian thoughts on the distribution of family responsibilities. Analysis of family values emphasizes its humanistic essence. A humanistic ideal – people as the supreme values – defines the meaning and purpose of family life, and family values reflect the recognition of universal humanistic ideals.

Bibliography

1. Shvets A. M. Motivation of marriage and its impact on the crisis of the future family // Questions of psychology. – 2006. – № 2. – P. 363–369
2. Hunger S. I. Monogamous family: crisis or evolution? // Sots.-watered. Ukr. – 1995. – № 6. – P. 74–87.
3. Laptinok C. D. Morality and family. – Minsk, 1967. – P. 100.
4. Gordon L., Bugs E., Onika L. Social problems of life // Kommunist. – 1974. – № 17. – P. 49–60.
5. Yankova Z. A. On household and family roles for women workers // Social studies. – M., 1969. – Vol. 4. – P. 76–87.
6. Khasbulatov O. A. Russian family policy in the 20th century: myths and realities. – Ivanovo : ISU, 2005. – P. 272.
7. The window in the Russian private life. Couple / H. Rimashevskaya, D. Bath, M. Malyshev and other. – M. : Academia, 1999. – 196 p.
8. Zdravomyslova O. M. Family and society: gender dimension of the Russian transformation. – M. : Editorial URSS, 2003. – P. 147.
9. Sazhin L. Century Modern gender culture: cross-cultural analysis of marriage and family segment. – Rostov-on-Don : Izd-IPO PI UFA, 2008. – P. 81–82.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ОДИНОКИМИ ОТЦАМИ

**Н. Ю. Масленцева, кандидат социологических наук, доцент
Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия**

Summary. The article is devoted to the question of social help to lonely fathers. The number of incomplete families grows in Russia and there is a need of effective help. The author places emphasis on self-help and mutual aid to fathers, showing opportunities and efficiency of these methods of social work.

Keywords: lonely paternity; traditional gender order; groups of the self-help and mutual aid; social policy; social help; social work.

Семейная политика государства призвана защищать интересы каждой семьи, обеспечить возможность её полноценного развития во всех направлениях, укрепление и защиту. Законодательное подкрепление направлений семейной политики подтверждает обязательность её исполнения.

Преимущество женщины, имеющей статус «матери-одиночки», перед отцом-одиночкой подразумевает то, что она имеет право на определённые льготы и пособия. В первую очередь, это все виды обычных пособий, назначаемых в связи с появлением ребёнка, а именно:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учёт в медицинском учреждении в ранние сроки беременности до 12 недель;
- единовременное пособие при рождении ребёнка;
- ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребёнком по достижении им возраста полутора лет;
- ежемесячное пособие на ребёнка (на детей) одиноких матерей.

Для неполных семей в семейной политике региона имеются свои меры по их поддержке. К примеру, включение детей из неполных семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в льготные категории для первоочередного зачисления в детские дошкольные учреждения [1]. А в рамках целевой федеральной программы «Жилище» действует специальная подпрограмма «Обеспечение жильём молодых семей», закреплённая в региональном законе. Поддержка в виде предоставления социальной выплаты на приобретение жилья. А так же в виде создания условий, при которых молодые семьи смогут получить ипотечные кредиты, участником которой может стать также неполная семья, состоящая из одного молодого родителя (до 35 лет), и одного и более детей [2].

Семейная политика реализуется как в регионе, так и по всей стране благодаря организации социальной работы. Социальную работу с семьёй можно определить как часть семейной политики, направленной на оказание социальной помощи семье, социальную поддержку и социальную защиту всех категорий семей через создание учреждений социального обслуживания семьи: центров социальной помощи семье и детям, центров социального обслуживания населения, центров психолого-педагогической помощи семье и детям, кризисных центров и другие. Социальная работа в таких учреждениях предполагает поддержку семьи и оказание ей помощи в решении социальных, психологических, педагогических, правовых, медико-социальных и других проблем.

Несомненно, действующие сегодня социальные учреждения проводят разностороннюю и многоаспектную социальную работу с семьёй. В Свердловской области известен опыт реализации таких проектов, как «Социальная поликлиника» и «Участковая служба».

Социальная поликлиника работает на базе Центров по делам семьи и детства. Имеется целый ряд отделений и узких специалистов, которые занимаются оказанием консультативной методической помощи детям и семьям, пытаются создавать в семье определённые условия, как для реализации культурных запросов, так и для снятия каких-то конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть. Здесь работают психологи, социальные педагоги и целый ряд других специалистов. Сама поликлиника оснащена оборудованием и социальными технологиями, которые позволяют реализовать намеченную работу.

Участковая служба работает в комплексе с социальной поликлиникой по принципу, когда вся территория города или района разбита на участки, за которыми закреплён социальный работник, участковый. На основе паспорта закреплённого участка, где расписано все население, определены службы и учреждения системы профилактики, образовательные учреждения, культуры и спорта, установлены взаимоотношения со всеми службами, в том числе и правоохранительными органами. Социальный работник выявляет семьи через совместную работу в школе, других учреждениях. Он не ждёт, пока кто-то обратится к нам в социальную поликлинику, начинает приглашать данные семьи, детей для того, чтобы оказать помощь. Это своеобразный проводник, который пытается увязать интересы семьи с возможностями субъектов профилактики и тех учреждений, которые расположены рядом [3].

Всё большую огласку получают проблемы неполных семей, а именно неполных отцовских семей, где все семейные обязанности возлагаются на отца, которому они не свойственны. Одна из технологий социальной работы, способная мобилизовать силы и жизненный потенциал отца-одиночки, осознать возможность решения волнующих проблем неполной отцовской семьи: в материальном обеспечении семьи, совмещения социальной роли отца (главы семьи) и профессиональных ролей, поиска нового брачного партнёра, воспитание детей – это технология групп само- и взаимопомощи. Немаловажно и то, что проведение групп само- и взаимопомощи осуществляется на базе Центров помощи семье и детям, в таком как Центр «Каравелла», в виде Клуба одиноких отцов. Активное использование в современной социальной работе различных форм института взаимопомощи позволит существенно активизировать процессы общественной самоорганизации, превратить отца-одиночку из пассивного объекта в активный субъект социальной работы.

Проведенное исследование позволило увидеть жизнь неполной отцовской семьи, условия проживания, взаимоотношения её членов, общую атмосферу в семье и жизненный потенциал (ресурсы) отца по преодолению трудностей.

В результате проведённого исследования деятельности Клуба, была подтверждена его значимость для отца-одиночки, а особенно для социально-уязвимого отца, нуждающегося в различных видах помощи. В свою очередь были выявлены недостатки в организации его деятельности, как группы самопомощи, в первую очередь в силу гендерной специфики. Гендерная специфика мужчины (отца-одиночки) сказывается в организации работы Клуба, выражаясь в ожидании первого шага со стороны специалиста о предложении помощи, в ограниченности общения между отцами в большей степени в рамках клубной жизни, в необходимости постоянного контроля и координации деятельности отцов по решению волнующих их вопросов и другие особенности. Так же сказывается специфика неполной отцовской семьи в том, что необходимо работать и одновременно правильно воспитывать детей, что совместить мужчине практически не возможно.

Клуб как группа самопомощи не обладает высокой заинтересованностью, инициативой самих членов в организации деятельности Клуба, всё держится только на специалистах. Данную тенденцию сложно изменить, так как причина всему гендерный фактор и личностные особенности отцов.

Деятельность Клуба в большей степени сводится к организации досуга неполных отцовских семей, поиску спонсоров, сбору материальных средств, а также различного рода частным консультациям с отдельными представителями Клуба. К тому же полноценные встречи (съезды) членов Клуба, где бы присутствовало большинство его представителей, достаточно редкое явление, обычно собираются три-четыре его представителя, что сказывается на продуктивности совместной работы, и само понятие группы исчезает.

В целом можно выделить такие проблемы Клуба, рассматривая его в рамках группы самопомощи, как:

- Хрупкость и непрочность группы: они могут то начинать, то останавливать свою деятельность;
- Нехватка людей и непостоянство состава;
- Потребность некоторых членов группы в автономности или конфиденциальности, нежелание, чтобы их участие в группе стало известно окружению;

➤ Отсутствие времени и настойчивости её членов, а также стремления к преодолению предрассудков и стереотипов.

Клуб одиноких отцов – первая, важная ступень к формированию государственной помощи и поддержки данной категории населения. Чтобы получить право на внимание со стороны общественности и государственную поддержку, надо пройти много испытаний и преодолеть множество трудностей, как это делает Клуб, но именно это и помогает идти им вперёд и добиваться своей цели.

Библиографический список

1. Ильин Е. Н. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб. : Питер, 2010. – 544 с.
2. На Южном Урале неполные семьи получили право на внеочередное место в детском саду. URL: <http://www.novoteka.ru/seventexp/10545639/25162076>.
3. Семейная политика в Свердловской области. URL: <http://tass-ural.ru/presscentre/95927.html>.

ВОСПИТАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АНДРОГИННОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

**А. Н. Царегородцева, старший воспитатель
Детский сад общеразвивающего вида № 196,
г. Киров, Россия**

Summary. This article deals with the problem of successful socialization of preschoolers. Motivated by the need to educate psychological androgyny preschoolers. Attempt to justify the need for the creation of appropriate conditions in kindergarten.

Keywords: gender training; socialization; preschool education.

Проблема приобщения к социальному миру всегда была и остаётся одной из ведущих в процессе формирования личности ребёнка. Перед педагогами в современных условиях, встаёт проблема: как сформировать человека, который отвечал бы требованиям общества на нынешнем этапе исторического развития. Современное, динамичное и подчас непредсказуемое социальное пространство ведёт к возникновению новых психологических, социальных, коммуникативных характеристик обоих полов. И мужчины, и женщины стремятся сегодня к реализации «второй половины» своей натуры, которую их веками учили подавлять. Исследователи подчёркивают, что мудрость эволюции – это

мудрость прошлого. Она описывает полоролевые различия, которые были выгодны в прошлом. Другое дело – обеспечивает ли эта мудрость адаптацию в настоящем? Современная жизнь опрокидывает эти стереотипы, в результате чего происходит смешение мужских и женских качеств, отрицание неравенства полов и их строго взаимодополняющего характера. Чаще всего в настоящее время бывает выгодным сочетание как мужских, так и женских качеств. Например, «мужской» уверенный стиль поведения вполне сочетается с «женской» ориентацией на сотрудничество; точно так же возможно проявлять «женскую» эмпатию, не теряя при этом «мужского» самообладания. Если мужчины позанимаются у женщин те качества, которые зарекомендовали себя в человеческом общении как эффективные и позитивные, а женщины возьмут кое-что из мужских моделей поведения, то в выигрыше окажутся обе стороны.

Как показывает современная жизнь, нам следует ценить качества, связанные с тем и другим гендером, но никак не гендерные различия. Искусственное разделение качеств на мужские и женские приводит к наложению бессмысленных ограничений на оба пола и способствует развитию гендерного конфликта: гендерно-ролевой стресс (Eisler, 1987) или, по О'Нилу – гендерно-ролевой конфликт. Учёные отнесли наличие у человека психологической андрогинности (интеграция женского эмоционально-экспрессивного стиля с мужским инструментальным стилем деятельности, свобода телесных экспрессий и предпочтений от жёсткого диктата половых ролей) в один из критериев здоровья. Андрогинность ориентирует людей на новую реальность, с новыми ценностями и нормами социального поведения. Андрогинные мужчины и женщины относительно свободные от жёсткой половой типизации, обладают более богатым поведенческим репертуаром и психологически более благополучны. Именно психологическая андрогинность способствует более полному развитию и реализации социально-психологического потенциала личного развития, позволяет наилучшим образом адаптироваться к окружающей обстановке [3]. Андрогинный человек не ограничен стереотипами, он свободен от мнений людей, страхов и комплексов. Этот человек целостен и настоящ. За андрогинами будущее, они разнообразные, они делают мир ярче, красивее, а главное каждый из них может быть самим собой.

В процессе усвоения индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений ребёнок усваивает общественно одобряемые формы поведения, необходимые ему для оптимальной жизни в обществе. От успешной социализации в дошкольном

возрасте зависит дальнейшее развитие индивида, раскрытие его способностей, становление личности [6]. Отметим, что сам термин социализация не имеет однозначного толкования и в настоящее время всё чаще определяется как двусторонний процесс. С одной стороны, индивид усваивает социальный опыт, входя в определённую социальную среду. С другой – в процессе социализации он воспроизводит систему социальных связей за счёт вхождения в среду. Иными словами, не только обогащается опытом, но и реализует себя. «В идеале, – отмечает А. В. Мудрик, – социализированный человек должен быть способен противостоять если не обществу, то тем или иным жизненным обстоятельствам» [7].

Современная социализация предполагает отсутствие гендерной дифференциации и поляризации. Хочется подчеркнуть, что нет нужды воспитывать девочек так, чтобы они походили на мальчиков или наоборот. Цель всех усилий помочь и тем, и другим стать счастливыми людьми. То есть стать людьми компетентными, наиболее полно реализующими свои индивидуальные особенности и способности, которые смогут получать удовлетворение от семьи и работы; людей, уверенных в себе и своём будущем.

Те, кого пугает термин «андрогинность», видят в нём бесполость и униформизм. Однако это совсем не так. В этом смысле жёсткое разделение гендера напрямую связано с принципами коллективизма и тоталитаризма, тогда как принцип андрогинности является инструментом для достижения индивидуальной личной свободы и культурного разнообразия в обществе.

Следует подчеркнуть, что с точки зрения самосознания личности андрогинность определяется не как механическая комбинация маскулинных и фемининных черт, а как способность быть гибким в выборе поведенческих ролей в зависимости от обстоятельств (иногда более маскулинных, иногда более фемининных). Многие психологи и социологи убеждены, что андрогинные люди лучше приспособлены к требованиям современного мира и к различным жизненным испытаниям.

Воспитание психологической андрогинности требует наличия у педагогов и родителей гендерной компетентности. Под гендерной компетентностью понимается динамическое образование личности специалиста, включающее представления о предназначении мужчин и женщин в обществе, особенностях собственной женской/мужской индивидуальности, образе Я, знания о гендерных особенностях субъектов педагогического взаимодействия; ценностное отношение к представителям обоих полов, их взаимо-

отношениям [9]. Сложная и многоплановая проблема воспитания психологической андрогинности требует развёрнутой системы методической работы, т. к. следует уделить особое внимание вопросам, связанным с развитием профессионального мышления педагогов ДОО, и добиваться видения ими проблемы в широком социально-педагогическом контексте. Поэтому для работы с коллективом необходимо использование широкого спектра социокультурных, социально-педагогических и педагогических средств.

Воспитание андрогинности у дошкольников опирается на следующие принципы: отказ от дифференцированных по половому признаку воспитательных влияний:

- нейтрализация и смягчение социально обусловленных различий между лицами женского и мужского пола,
- отсутствие ориентации на их «особое предназначение» и признание взаимозаменяемости женских и мужских социальных ролей,
- реализацию идей гендерного равенства,
- обеспечение каждому ребёнку свободы выбора, поощрение его индивидуальных интересов и предпочтений,
- создание реальных условий для возможности быть разными девочками и разными мальчиками.

Иными словами, воспитание андрогинности у дошкольников созвучно ценностям и идеям гуманизма, толерантности, к практике ненасильственной педагогики, а также вполне адекватно тем социальным переменам, которые произошли в жизни современного общества.

Библиографический список

1. Абраменкова В. В. Половая дифференциация и межличностные отношения в детской группе // Вопросы психологии. – 1987. – № 5.
2. Бендас Т. В. Гендерная психология. – СПб. : Питер, 2007.
3. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд. – М., 2003.
4. Гендерная педагогика : учеб. пособие / Л. В. Градусова. – М. : ФЛИНТА; Наука, 2011. – 176 с.
5. Гендерная социализация школьников / Н. Н. Бабушкина, О. Б. Ковырзина.
6. Клековкина Т. П. Социально-нравственное воспитание детей дошкольного возраста. – Киров, 2009.
7. Мудрик А. В. Социальная педагогика : учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Сластенина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2000. – 200 с.
8. Попова Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности. – М., 1996.
9. Штылева Л. В., Пушкарёва Н. Л. От теории к практике. Как мы можем это изменить? // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика. – Мурманск, 2001.

**План международных конференций, проводимых вузами
России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии,
Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины
и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

13–14 июня 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Труд и человеческий капитал в современной экономике: теория и практика»** (К-06.13.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.14)

17–18 сентября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы»** (К-09.17.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Иностранный язык в системе среднего и высшего образования» (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований» (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы связей с общественностью» (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития» (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях» (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия» (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе» (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов» (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях» (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития экономики и управления» (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии» (К-12.05.14)

7–8 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «Безопасность человека и общества» (К-12.07.14)

**Plan of the international conferences organized by
Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus,
Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan,
Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC
«Sociosphere» in 2014**

All Conference Proceedings will be published in the Czech publishing house Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Prague)
--

June 13–14, 2014

International scientific conference **«Labour and human capital in the modern economy: theory and practice»** (K-06.13.14)

September 10–11, 2014.

V international scientific conference **«Problems of modern education»** (K-09.10.14)

September 15–16, 2014.

IV international scientific conference **«New approaches in economy and management»** (K-09.15.14)

September 17–18, 2014

International scientific conference **«Modern philosophical paradigms: the interaction of traditions and innovative approaches»** (K-09.17.14)

September 20–21, 2014.

IV international scientific conference **«Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects»** (K-09.20.14)

September 25–26, 2014.

II international scientific conference **«Problems of formation of a professional»** (K-09. 25.14)

September 28–29, 2014.

II international scientific conference **«Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization»** (K-09.28.14)

October 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**» (K-10.01.14)

October 5–6, 2014

V international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**» (K-10.05.14)

October 10–11, 2014.

International scientific conference «**Actual problems of Public Relations**» (K-10.10.14)

October 12–13, 2014.

International scientific conference «**Informatization of higher education: current situation and development prospects**» (K-10.12.14)

October 13–14, 2014.

International scientific conference «**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**» (K-10.13.14)

October 15–16, 2014.

IV international scientific conference «**Personality, society, state, law. Problems of correlation and interaction**» (K-10.15.14)

October 20–21, 2014.

II international scientific conference «**Transformation of spiritual and moral processes in modern society**» (K-10.20.14)

October 25–26, 2014.

IV international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions**» (K-10.25.14)

October 28–29, 2014.

II international scientific conference «**Socialization and education of teenagers and youth in institutes of the general and professional education: theory and practice, contents and technologies**» (K-10.28.14)

November 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Religion – science – society: problems and prospects of interaction**» (K-11.01.14)

November 3–4, 2014.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information society: formation and problems of improvement**» (K-11.03.14)

November 5–6, 2014.

II international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**» (K-11.05.14)

November 10–11, 2014.

III international scientific conference «**Preschool education in a country and the world: historical experience, state and prospects**» (K-11.10.14)

November 15–16, 2014.

II international scientific conference «**Problems of development of a personality**» (K-11.15.14)

November 20–21, 2014.

IV international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**» (K-11.20.14)

November 25–26, 2014.

III international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future**» (K-11.25.14)

December 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**» (K-12.01.14)

December 3–4, 2014.

II international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**» (K-12.03.14)

December 5–6, 2014.

III international scientific conference «**Current issues of the theory and practice of lingvo cross-cultural lexicography**» (K-12.05.14)

December 7–8, 2014.

International scientific conference «**Safety of a person and society**» (K-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Статьи принимаются до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 декабря, соответственно. Оплата должна быть произведена только после принятия статьи к публикации до 1 марта, 1 июня, 1 сентября и 1 декабря, соответственно для каждого номера.

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), **Антипов Михаил Александрович**, кандидат философских наук, доцент, **Белолипецкий Владимир Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, **Ефимова Диана Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент, **Кушаев Умиджон Рахимович**, кандидат философских наук, **Саратовцева Надежда Валентиновна**, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), **Берберян Ася Суреновна**, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), **Большакова Алла Юрьевна**, доктор филологических наук, (Москва, Россия), **Волков Сергей Николаевич**, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), **Голандам Араш Карим**, доцент (филология – Решт, Иран), **Гринин Леонид Ефимович**, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), **Исламов Захиджан Махмудович**, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Каппарова Ева**, PhD. (социология – Прага, Чехия), **Кондрашин Виктор Викторович**, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), **Минияров Валерий Максимович**, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), **Насимов Мурат Орленбаевич**, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сердобинцева Елена Николаевна**, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), **Танцошова Джудита**, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Христова Наталия Цветанова**, PhD., профессор (история – София, Болгария), **Хрусталькова Наталья Александровна**, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), **Цибак Любош**, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **Paradigmata poznání** (Парадигмы познания) (ISSN 2336-2642) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Статьи рассматриваются редакционной коллегией и могут быть отклонены. Статьи проверяются на отсутствие плагиата.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещают на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosphere.com>, а также на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – **Дорошина Илона Геннадьевна**, кандидат психологических наук, доцент, заместитель главного редактора – **Кушаев Умиджон Рахимович**, кандидат философских наук.

Международная редакционная коллегия

Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Бойцов Виктор**, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), **Бушина Филип**, PhD., MBA (экономика – Колин, Чехия), **Вернигора Александр Николаевич**, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), **Девярых Сергей Юрьевич**, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), **Замаровский Петер**, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), **Ивановска Божена**, PhD. (социология – Варшава, Польша), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология – Прага, Чехия), **Крейчова Ленка**, PhD. (психология – Прага, Чехия), **Кобец Петр Николаевич**, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), **Коротаев Андрей Витальевич**, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Кэмп Марианне**, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), **Лидяк Ян**, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), **Митюков Николай Витальевич**, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сигмунд Томаш**, PhD. (философия – Прага, Чехия), **Сзуппе Мария**, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), **Танцошова Джудита**, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Хаджкова Ванда**, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), **Хайруллина Нурсафа Гафуровна**, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов, отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,

для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «Paradigmata poznání»

файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P**, квитанция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет **200 рублей** за 1 страницу («Социосфера») или **250 рублей** за 1 страницу

(«Paradigmata poznání»). Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 200 руб. («Социосфера») или 250 рублей («Paradigmata poznání») за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science.
- In help to professors.
- In help to teachers.
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

The articles are accepted before the 20th February, 20th May, 20th August and 20th November, respectively. The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 1st March, 1st June, 1st September and 1st December, respectively for each issue.

Editor-in-chief – **Boris Doroshin**, candidate of historical sciences, assistant professor.

Editorial board

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor (responsible for release), **Michail A. Antipov**, candidate of philosophical sciences, assistant professor, **Vladimar V. Belolipeckiy**, candidate of historical sciences, assistant professor,

Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, assistant professor, **Umadjon R. Kushaev**, Ph.D. (Philosophy – Tashkent, Uzbekistan), **Nadezhda V. Saratovceva**, candidate of pedagogical sciences, assistant professor.

The international editorial council

Nikolay Arabadzhiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria); **Alla Yu. Bolshakova**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Asya S. Berberyan**, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia); **Sergey N. Volkov**, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia); **Arash K. Golandam**, assistant professor (Philology – Rasht, Iran); **Vadim N. Goncharov**, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia); **Leonid E. Grinin**, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia); **Zahidzhan M. Islamov**, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic); **Natalia. Ts. Khristova**, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria); **Viktor V. Kondrashin**, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia); **Valeriy M. Miniyarov**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia); **Marina P. Mokhnacheva**, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia); **Murat O. Nasimov**, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan); **Miroslav Sapik**, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic); **Elena N. Serdobintseva**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia); **Natalia A. Hrustalkova**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia); **Lubosh Cibak**, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems. Articles are considered by the editorial board and may be rejected. Articles are checked for plagiarism.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Sci-

entific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru>, it will give our authors the opportunity to raise their index of quotation. The index of quotation is accepted in scientific world measure of paper «significance» of some scientist. The size of index is defined by the quantity of links on this paper (or surname) in other sources. In world practice the index of quotation is not only advisable, but it's the necessary criteria to evaluate the professional level of professors and teaching personnel.

The content of journal has following parts:

- Theory and analyses.
- Empirical and applied studies.
- Surveys, reviews and comments.
- Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – **Ilona G. Doroshina**, candidate of psychological sciences, assistant professor. **Deputy Editor-in-Chief** – **Umidjon R. Kushaev**, PhD. (philosophy).

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), **Victor Boicov**, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), **Phillip Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), **Aleksandr N. Vernigora**, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), **Sergey Yu. Devyatych**, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), **Bozhena Ivanovska**, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), **Vanda Hajkova**, DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), **Nursafa G. Khayrulina**, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), **Lenka Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), **Petr N. Kobets**, doctor of law, professor (Moscow, Russia), **Andrey V. Korotayev**, doctor of history, professor (Moscow, Russia), **Marianne Kamp**, Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), **Jan Lidiyak**, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), **Nikolay V. Mityukov**, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), **Miroslav Sapik**, Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), **Tomash Sigmund**, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), **Mariya Szuppe**, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), **Peter Zamarovsky**, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210×297 mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of keywords in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt**.

for the journal «Paradigmata poznání» – *the file with an article* – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

The publication fee is 4.5 € per page («Sociosphere») or 5.5 € per page («Paradigmata poznání»). Participants will receive one copy of the journal per article. In case of co-authorship, additional copies can be bought for 4.5 € per copy («Sociosphere») or 5.5 € per copy («Paradigmata poznání»).

**Образец оформления статьи для журналов
«Социосфера» и «Paradigmata poznání»**

**Sample of articles for journals «Sociosphere»
and «Paradigmata poznání»**

КУЛЬТУРА Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XIX ВЕКЕ

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права, г. Семиреченск,

Н-ский край, Россия

CULTURE IN SEMIRECHENSK IN THE XIX CENTURY

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor,

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law, Semirechensk,

N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Неко-

торую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFĚRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии.

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *;
- изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу;
- дизайн обложки – 500 рублей;
- печать тиража в типографии – по договоренности;
- данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премиум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.
(in the output of the publication will be registered)

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered)

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) – 1,1 € per 1 page*;
- making an artwork – 0,7 € per 1 page;
- cover design – 11,1 €;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Quantity	Price in € for the number of pages				
	50 pages	100 pages	150 pages	200 pages	250 pages
50 copies	176	267	351	440	533
100 copies	240	349	451	560	667
150 copies	311	451	573	718	849
200 copies	382	556	702	878	1031

* Page size A4 (210 x 297 mm). Margins: left-3 cm, the others – 2 cm; 1.5 spacing; indentation 1.25; size (font size)-14; type-Times New Roman.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Dagestan State University

The theory and practice of gender researches in world science

Materials of the V international scientific conference
on May 5–6, 2014

Editor – V. A. Doroshina
Corrector – J. V. Kuznetsova
The original layout – G. A. Kulakova
Cover design – Yu. N. Bannikova

Signed in print 09.06.2014. 60×84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 15,95.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz